

Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20).

Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 4 (20), 2022.

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0+94

ББК 83.3(2=411.2)+63.3(0)

<https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>

<https://elibrary.ru/ZJKLGZ>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2022. Николай Подосокорский

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

«Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

© 2022. Nikolay N. Podosokorsky

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

“Napoleonic” Petersburg and its Reflection in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена специфическому социально-культурному явлению, названному автором «наполеоновским» Петербургом, и тому, как оно отражено в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866). В конце 1830-х – 1860-х годах наполеоновский миф проявлялся во многих сторонах культурной жизни столицы Российской империи: названиях общественных заведений, меню ресторанов, украшениях квартир, музейных редкостях, памятниках, уличных представлениях, театральных постановках, литературных произведениях, психологическом подражательстве Наполеону и проч. Предпринята попытка реконструировать то, как формировался и выглядел «наполеоновский» Петербург во время, когда в нем жил и работал Ф.М. Достоевский (до создания «Преступления и наказания»), создавший целый ряд произведений о жизни петербуржцев, увлеченных образом Наполеона («Господин Прохарчин», «Белые ночи», «Записки из подполья» и др.)

В центре исследования автора статьи — роман «Преступление и наказание» и Родион Раскольников, пытающийся сделаться новым Наполеоном, а также рассуждающий о преобразовании Петербурга и о величии исторических деятелей как «живых памятников», на которых «не тело, а бронза». Показано, как реалии Петербурга (Египетский мост, Александровская колонна, Казанский собор и др.) связаны с наполеоновским мифом и косвенно отражаются в тексте романа Достоевского.

Ключевые слова: Наполеон, наполеоновский миф, Петербург, наполеоновская легенда, «Преступление и наказание», «Двойник», «Господин Прохарчин», «Записки из подполья», Египетский мост, Казанский собор, Александровская колонна, Вандомская колонна, Париж.

Для цитирования: Подосокорский Н.Н. «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

<https://orcid.org/0000-0001-6310-1579>

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The article is devoted to a specific socio-cultural phenomenon, called by the author “Napoleonic” Petersburg, and its reflection in Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* (1866). In the late 1830s — 1860s the Napoleonic myth manifested itself in several aspects of the cultural life of the capital of the Russian Empire: the names of public institutions, restaurant menus, apartment decorations, museum rarities, monuments, street shows, theatrical productions, literary works, psychological imitation of Napoleon, etc.

The article presents an attempt to reconstruct how the “Napoleonic” Petersburg was formed and looked like during the time when Fyodor Dostoevsky, who dedicated several works to the life of people in Petersburg, fascinated by Napoleon (“Mr. Prokharchin,” *White Nights*, *Notes from the Underground*, etc.), lived and worked in it, before the creation of *Crime and Punishment*.

The author’s research focuses on the novel *Crime and Punishment* and Rodion Raskolnikov, trying to become a new Napoleon and talking about the transformation of St. Petersburg and the greatness of historical figures as “living monuments” on which there is “not a body, but bronze.” It is shown how the realities of St. Petersburg (the Egyptian Bridge, the Alexander Column, the Kazan Cathedral, etc.) relate to the Napoleonic myth and are indirectly reflected in the text of Dostoevsky’s novel.

Keywords: Napoleon, Napoleonic myth, St. Petersburg, Napoleonic legend, *Crime and Punishment*, *The Double*, “Mr. Prokharchin,” *Notes from Underground*, Egyptian Bridge, Kazan Cathedral, Alexander Column, Vendôme column, Paris.

For citation: Podosokorsky, N.N. “Napoleonic” Petersburg and its Reflection in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135>

Император Франции Наполеон Бонапарт (1769–1821) никогда не был в Санкт-Петербурге, но оказал огромное влияние на русскую культуру в целом и на жизнь северной столицы России в частности. Г.В. Вилинбахов справедливо отмечает, что «годы военного противостояния императоров Александра и Наполеона не только не сделали Россию и Францию вечными врагами, но лишь усилили взаимный интерес друг к другу и уважение, иногда переходившее в чувство восхищения недавним соперником. На столах и бюро в кабинетах можно было видеть бюсты и фигурки с легкоузнаваемыми знаменитой треугольной¹ шляпой и скрещенными руками рядом с фарфоровыми фигурами казаков и бокалами с надписью: “Ликуй Москва, в Париже Росс!” Юный брат императора Александра великий князь Николай Павлович проектирует новые мундиры для русской армии, беря за основу форму армии Наполеона и используя для своих проектов знаменитую сюиту гравюр Мартине. И в образе военного Петербурга во всем разнообразии этого понятия военное противостояние с наполеоновской Францией нашло свое отражение» [Вилинбахов, 2003, с. 25].

Многие русские писатели создавали литературных героев – жителей Петербурга, которые подпали под обаяние наполеоновской легенды. В этом ряду стоят Германн в «Пиковой даме» (1833) А.С. Пушкина, с «профилем Наполеона, а душой Мефистофеля» [Пушкин, 1950–1951, т. 6, с. 343]; Илья Ильич Обломов в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859), который любил «вообразить себя иногда каким-нибудь непобедимым полководцем, перед которым не только Наполеон, но и Еруслан Лазаревич ничего не значит; выдумает войну и причину ее: у него хлынут, например, народы из Африки в Европу, или устроит он новые крестовые походы и воюет, решает участь народов, разоряет города, щадит, казнит, оказывает подвиги добра и великодушия» [Гончаров, 1998, с. 66]; Иван Александрович Званинцев в повести Аполлона Григорьева «Один из многих» (1846), воспитанный почитателями Наполеона так, что «образ Наполеона сливался для него с светлым образом Аполлона Гелиоса, победителя Тифона» [Григорьев, 1990, т. 1, с. 354] и др.

¹ На самом деле, Наполеон носил не треугольную, а двуугольную шляпу. Как замечает биограф Наполеона М.М. Куриев: «Уже в конце XVIII века “треуголки” почти никто не носил. На смену им пришла *двуугольная* шляпа, *bicornie*. Дело тут скорее не в моде, а в практичности. “Двууголки” легче держать в руках, складывать, да и на голове они держатся более “уверенно”» [Куриев, 2020, с. 319]

Герои петербургских произведений Ф.М. Достоевского (сам писатель с перерывами жил в Петербурге с 1837 года по конец 1849 года и с конца 1859 года до своей смерти в начале 1881 года) занимают особое место в истории литературного наполеонизма². Наполеоновские черты господина Прохарчина, подпольного парадоксалиста или Раскольникова — это уже не просто дань общеевропейской моде эпохи романтизма с ее культом героев, но типично петербургское явление второй трети XIX века. Недаром следователь Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» говорит Родиону Раскольникову: «<...> кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 204]. Наполеон I к этому времени давно умер, но его легендарное имя глубоко вошло в повседневную жизнь Санкт-Петербурга, оказывая влияние на идеи и поведение его жителей различных званий и сословий и формируя городской ландшафт.

Собственно, призыв изучать разные «странные влияния» Петербурга на душу человека содержится уже в диалогах героев писателя. Так, Свидригайлов говорит Раскольникову: «Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния! Между тем это административный центр всей России, и характер его должен отражаться на всем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 357].

В этой статье я попробую показать, что из себя представлял «наполеоновский» Петербург той эпохи, несомненно, обогативший

² Термин «наполеонизм» давно был в ходу в российской литературной и журнальной среде ко времени написания «Преступления и наказания». Например, Р.М. Зотов в труде «Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I» (1857) пишет о Луи-Наполеоне (будущем Наполеоне III): «Пылкий юноша, воспитанный в идеях наполеонизма, воображал, что одно имя его привлечет к нему всех» [Зотов, 1857, ч. 1, с. 310]. Понятие «наполеонизм» использовали в своих статьях П.А. Вяземский, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев и многие др. В журнале «Время», издаваемом старшим братом писателя М.М. Достоевским, в одной из критических статей, посвященной разбору «Жизни графа Сперанского» М. Корфа, сообщалось о том, как модное «подражание наполеонизму проложило себе дорогу и в Россию» перед войной 1812 года [Время, 1861, № 12, Критическое обозрение, с. 143, 172]. Я использую этот термин как явление, обозначающее психологическое подражание Наполеону, что отличается от политического следования наполеоновским принципам, обычно называемого *бонапартизмом*.

творческую лабораторию Достоевского, и как он отразился в романе «Преступление и наказание».

Черты «наполеоновского» Петербурга 1830-х – 1860-х годов

Один из первых исследователей *Петербурга Достоевского*, краевед Н.П. Анциферов (1889–1958) в своей кандидатской диссертации «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций» (1944) отмечал, что «тема Наполеона» была выдвинута Достоевским как одна из основных при «вскрытии» в Петербурге «черт капиталистического “большого города”» [Анциферов, 2009, с. 489]. Согласно Анциферову, «тема русского молодого человека, стоящего под знаком Наполеона, введенная в большую литературу Пушкиным – получила у Достоевского свое завершение» [Анциферов, 2009, с. 404]. Ученый был убежден, что «“идеи” Достоевского – это силы, рожденные Петербургом» [Анциферов, 2009, с. 417].

Петербургская общественная и литературная жизнь 1830-х – 1840-х годов отмечена новой волной интереса к фигуре Наполеона. В конце 1830-х годов французский дипломат Барант был «поражен, встретив в Петербурге настоящий культ Наполеона. “Лавки и магазины завалены его портретами, гравюрами сражений и всем, что имеет какое-нибудь отношение к нему”. В Москве Марнье замечает то же самое. “Портреты предков заменены в семейных галереях московских бар изображениями перехода через С. Бернар или прощания в Фонтенбло”. Мода на Наполеона держалась до самых 60[-х] годов» [Михайлов, 1910, с. 629–630]. Недаром в стихотворении «Наш век» (1840) поэт Н.А. Некрасов, перечисляя разные виды помешательства современников, особо выделяет наполеонизм:

Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;
Бредит тот Наполеоном
И успел всем надоест
[Некрасов, 1981–2000, т. 1, с. 277].

Изображения и вещи Наполеона можно было увидеть в ряде зданий города. Петербургский старожил В.П. Бурнашев

(1810–1888), известный также по псевдониму *Виктор Бурьянов*, в своей «Прогулке с детьми по С. Петербургу и его окрестностям» (1838) отмечает, в частности, такие столичные раритеты, как «прекрасная мраморная статуя Наполеона на коне», поставленная еще в 1815 году в Академии художеств в качестве подарка от графа П.Х. Витгенштейна, «получившего ее в дар от города Гамбурга, им освобожденного от войск Наполеоновых, страшные штыки которых заставили мирных граждан поставить это изваяние грозного завоевателя в их Сенате» [Бурьянов, 1838, ч. 1, с. 186–187]; «бумажник Наполеона, служивший ему в кампании 1812 года, серебряный его прибор, взятый при Ватерлоо; <...> письмо, которым Бертье, начальник штаба Императора Наполеона, извещал князя Экмюльского об отступлении французов от Москвы, потом маленький крест почетного Легиона, принадлежавший Наполеону», размещенные в Петербургском Арсенале [Бурьянов, 1838, ч. 3, с. 118].

О Наполеоне напоминали и разного рода представления для петербургской публики развлекательного характера. Н.А. Некрасов в фельетоне «Петербургская хроника» (27 февраля 1843 года) описывает «Детский театр» француза Ле-Мольта во «всякому известном» здании в Большой Морской, где, в числе прочего, искусно показывают сцены подвигов Наполеона: «Господин Ле-Мольт с помощью своего искусства представляет сцены, в которых есть даже движение, жизнь. Между такими сценами первое место занимает переход Наполеона через гору Сен-Бернар. Здесь вы видите перед собою высокую, покрытую снегом гору. Вдали раздаются пушечные выстрелы и колокольный звон. Длинные ряды солдат гибнут, подобно змеям, бока и вершины Сен-Бернара; внизу, по равнине, проходит многочисленное войско. Здесь тащат пушку, там лафет, далее несут на носилках раненых офицеров; в заключение является сам Наполеон на лошади, приветствует окружающих его воинов и снимает несколько раз шляпу; затем тянутся новые ряды войска. Согласитесь, на такие вещи могут смотреть с удовольствием не одни дети» [Некрасов, 1981–2000, т. 12, кн. 1, с. 18]. И. Пушкирев также сообщает, что «до открытия этого театра, в 1841 году, в столице не было заведено для детей таких зрелищ, которые бы соединяли в себе и удовольствие и пользу, представляя юным зрителям нравственное поучение. <...> Кроме игры и пляски кукол, особенно замечательна механическая картина перехода Наполеона через Сен-Бернар» [Пушкирев, 1839–1842, ч. 3, с. 125].

Французы, владевшие ресторанами в Петербурге в 1830–1840-е годы, пытались придать своим заведениям дополнительный шарм за счет обращений к имени Наполеона. Например, в ресторане Бореля на Б. Морской ул., 8, «в меню фигурировали котлеты из соловьиных языков и вина из погреба Наполеона» [Жерихина, 2015, с. 302]. Писатель Е.П. Гребёнка (1812–1848) в очерке «Петербургская сторона», вошедшем в некрасовский альманах «Физиология Петербурга» (1845), рассказывает об одной кондитерской, которая за несколько лет до этого существовала на углу Малого проспекта и улицы, ведущей к Крестовскому перевозу: «Она красовалась, привлекала внимание проезжающих и проходящих по воскресеньям на Крестовский остров, и, простояв несколько месяцев, внезапно скрылась, исчезла. Содержал эту кондитерскую какой-то хромой ветеран наполеоновской службы; хвалил своим посетителям Наполеона, со слезами на глазах показывал портрет, висевший за стеклом в углу кондитерской, и очень мало продавал своих изделий. Я думаю, многие помнят этот удивительный портрет, просто сказать, лубочной гравировки картину, на которой был представлен Наполеон во весь рост, вершка в полтора величиной, в узких брюках, с руками, как-то нелепо заложенными в брюки» [Физиология Петербурга, 1991, с. 86]. Достоевский мог сам бывать в упомянутом заведении³, видеть воочию чудака-хозяина, и, конечно, был хорошо знаком со всеми текстами этого альманаха.

Упомянутый Гребёнкой «портрет Наполеона» в общественном заведении Петербурга, наряду со статуэтками, изображающими французского императора, — весьма распространенная символическая деталь в художественных произведениях русских писателей второй трети XIX века. Обычно такого рода портреты и статуэтки помещались в частных домах и квартирах. Это же было характерно и для жителей Москвы: мемуарист М.А. Дмитриев (1796–1866), племянник поэта И.И. Дмитриева и автор стихотворения «Наполеон» (1828), рассказывает в своих воспоминаниях, как

³ Достоевский в 1840-е годы часто посещал разные петербургские кондитерские и нередко изображал их в своих произведениях. Например, о роли кондитерской швейцарца И.И. Излера в его жизни и творчестве см.: [Тихомиров, 2022, с. 225–230]. В кондитерской швейцарца С. Вольфа и француза Т. Беранже на Невском проспекте у Полицейского моста произошло судьбоносное знакомство молодого Ф.М. Достоевского с М.В. Буташевич-Петрашевским (об этой кондитерской см.: [Тихомиров, 2022, с. 151–162]). В кондитерских тогда не только общались и ели, но и знакомились со свежими газетами и журналами.

в конце 1830-х годов он украсил свой кабинет бюстами Наполеона, Вольтера, Руссо и других знаменитых деятелей: «Я любовался на них, и душа моя возвышалась, находясь как будто в их обществе» [Дмитриев, 1998, с. 389].

Краевед И.И. Пушкарёв (1803–1848) в «Описании Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии» (1839–1842) сообщает, что бюсты Наполеона, к примеру, продавались в мелочной лавке⁴ Коломны (исторический район Петербурга): «В мелочной лавке все имеется не только к удовлетворению желудка, даже и малейшей прихоти. Сквозь тусклое стекло окна виднеется бюст Наполеона с поджатыми руками, рядом кукла из Китайского фарфора с отбитою ручкою, склеенная чашка с превосходною живописью, без блюдечка, ламповые стекла, тарелка с студенью, лакомым кушаньем немецких ремесленников, коровой хлеба, банка с вареньем, банка с сухою постилою, банка с груздями, чубуки, мундштуки, трубки, галстуки, манишки, запанки, перчатки, даже маски и маскарадные костюмы, словом все чего хотите» [Пушкарёв, 1839–1842, ч. 3, с. 15–16]. Герой повести В.Ф. Одоевского «Записки гробовщика» (1838) вспоминает, как в пору его увлечения искусством скульптуры он смог зарабатывать только благодаря создаваемым фигуркам Наполеона: «Все прочие, и мужчины и женщины, находили моих Венер и Аполлонов слишком неблагопристойными; единственный мой доход происходил от кошек с вертящимися головами и Наполеонов, которые, увы! для удовольствия покупателей, я должен был раскрашивать» [Альманах, 1838, с. 232].

Повесть друга юности Ф.М. Достоевского — поэта А.Н. Плещеева «Дружеские советы» (1849) как раз начинается с того, что двадцатитрехлетний мечтатель Василий Михайлович Ломтев останавливается у одного магазина на Невском проспекте, «на каменном крыльце которого итальянец, с угловатыми, загорелыми чертами и небритой бородой, продавал гипсовые статуэтки, расставленные под рост на деревянном лотке», колеблясь — какую статуэтку ему следует купить: «Блюхера или Фанни Эльслер, Моцарта или Крылова, или Наполеона Бонапарте» [Плещеев, 1896, т. 1, с. 184]. Бюстик Наполеона украшает и комнату Маши — одной из героинь романа «Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных»

⁴ В середине 1840-х годов в Петербурге работало более 2600 мелочных лавок [Длуголенский, 2005, с. 78].

(1864–1866) В.В. Крестовского [Крестовский, 1990, т. 1, с. 338, 354] (с Крестовским Достоевский был хорошо знаком с 1860 года [Белов, 2001, т. 1, с. 430–431]).

В очерке еще одного друга юности Достоевского, Д.В. Григоровича (1822–1900) «Петербургские шарманщики», также опубликованном в некрасовском сборнике «Физиология Петербурга», описаны типичные уличные представления, неизменно участницей которых является кукла, изображающая Наполеона. Петербургский шарманщик показывает публике «презанимательное зрелище: Наполеона в синем фраке и треугольной шляпе, вертящегося вокруг безносых дам, с ног до головы облепленных фольгой. Если владелец этого сокровища итальянец, то он непременно вступит с вами в разговор и, объясняя значение каждой куклы порознь, не утерпит, чтоб не выбрать хорошенько Наполеона и, Бог весть почему, кружащихся с ним австрийских дам» [Физиология Петербурга, 1991, с. 54].

По наблюдению Григоровича, итальянцы занимают среди столичных шарманщиков первое место; в очерке им посвящена отдельная глава, в которой также сообщается: «Мало-помалу, с прибылью денег, итальянец отстает от бродячей жизни, заводит круг знакомства с соотечественниками-ремесленниками, гаерами, канатными плясунами, фигурщиками, носящими вечного амура с сложенными накрест руками, кошку, болтающую вправо и влево голову, Наполеона, окрашенного розовой краской, всех возможных форм, видов и несходств, и, наконец, женится на дочери одного из своих приятелей. Заведшись таким образом хозяйством, итальянские шарманщики неизвестно почему избирают жилище в Подъяческих и Мещанской. Маленький двухэтажный деревянный дом, выкрашенный всегдашнею зеленогрязною краскою и возвышающийся в углу темного двора, служит им убежищем» [Физиология Петербурга, 1991, с. 55–56].

В уличных балаганах Петербурга 1840-х годов «за небольшую плату (“копейка с носа”) можно было полюбоваться видами различных городов, нарисованными на бесконечно раскручивающейся бумажной ленте, портретами знаменитых людей и изображением различных исторических событий (открытие железной дороги Петербург — Царское Село, разгром турецкого флота при Синопе, бегство Наполеона из Москвы и так далее)» [Длуголенский, 2005, с. 181].

Илл. 1. Иллюстрация к очерку Д.В. Григоровича «Петербургские шарманщики». Из сборника «Физиология Петербурга». 1845

Fig. 1. An illustration to D.V. Grigorovich's essay "St. Petersburg Organ-Grinders". From *The Physiology of Petersburg*. 1845

В столичном театре того времени ставились спектакли о наполеоновской эпохе. На одну из подобных сценических пьес — «Наполеоновский гвардеец» (по повести французского писателя П.-М.-Ф. Шевалье (1812-1863), известного также как «Питр-Шевалье») — откликнулся в 1844 году уничижительной рецензией В.Г. Белинский [Белинский, 1953–1959, т. 8, с. 369]. В рецензии же на один из исторических романов Р.М. Зотова 1842 года тот же Белинский сетует: «Прихотливая не менее всякой другой, эта публика тоже непременно хочет исторической живописи: хоть на лубке, хоть помелом, а нарисуй ей Наполеона! Таков дух нашего исторического века!» [Белинский, 1953–1959, т. 6, с. 498]. По мнению ведущего литературного критика тех лет, высказанном им в очерке «Петербургская литература» (1845), «Петербургский романист пятнадцатого класса пишет всё “некоторые черты”⁵ из жизни

⁵ Белинский имеет в виду исторический роман Р.М. Зотова «Леонид или Некоторые черты из жизни Наполеона I» (1832) и аналогичные произведения о Наполеоне и войне 1812 года, которых в 1830-е — 1840-е годах вышло в России несколько десятков. Е.Н. Пенская насчитала 18 русских исторических романов 1830-х годов, посвященных 1812 году [Пенская, 2012, с. 439].

великих людей, и честь быть героями его романов предоставляет только Наполеону, Фридриху II-му и т. д.» [Белинский, 1953–1959, т. 8, с. 562].

Петербургский журналист и прозаик В.П. Бурнашев в своих мемуарах сообщает, как в апреле 1846 года он встретил на Адмиралтейской площади во время народных гуляний на святой писательницу Е.В. Кологривову (1809–1884), записывавшую текст рапсодии, который диктовал ей некий мужик, показывавший народный театр. В этой рапсодии были, в частности, такие слова:

Есть турецкий тут султан,
В золотой одет кафтан,
Есть французский *Наплион*⁶,
И пришел к нам с войском он
[Бурнашев, 2022, т. 2, с. 188–189].

Петербургский наполеонизм

Ряд известных деятелей Петербурга первой половины XIX века запомнились своим вызывающим подражанием Наполеону или внешним «сходством» с французским императором. Например, в 1830-х годах этим отличился генерал от инфантерии, главный директор Пажеского и сухопутных кадетских корпусов Николай Иванович Демидов (1773–1833): «Одно из главных его чудачеств, на котором он был помешан до смешного, было то, что он вылитый император Наполеон I» [Блистательный Петербург, 2008, с. 374]. Главный балетмейстер петербургских Императорских театров (в 1832–1838 годах) Александр Блаш (1791–1852), по воспоминаниям Р.М. Зотова, «по фигуре и по лицу очень похож был на портрет Наполеона 1-го и даже служил прежде в артиллерии» [Зотов, 1859, с. 89].

В.А. Панаев в своих мемуарах упоминает карикатуру 1849 года на беллетриста Л.В. Бранта (1813–1884), который был изображен в виде Наполеона I, «потому что претендовал на некоторое с ним сходство» [Панаев, 1987, с. 220]. Юрист А.Ф. Кони также писал, что

⁶ Искаженное «Наполеон». В русском фольклоре первой половины XIX века имя Наполеона нередко искажалось. Например, в простонародном рассказе о нем, записанном в 1848 году в Пермской губернии, его именуют «царем Палеоном» [Народная проза, 1992, с. 257–261].

сотрудник «Северной пчелы» Брант «во всей своей маленькой и комической фигуре имел отдаленное и карикатурное сходство с Наполеоном I, чем чрезвычайно гордился, под рукой многозначительно давая понять, что великий полководец при возвращении из России ночевал в доме его родителей и что его мать отличалась чрезвычайной красотой и произвела на Наполеона сильное впечатление. Эти рассказы, вместе с изданною им глупою книжкою “Наполеон, сам себя изображающий”, вызывали весьма недвусмысленные насмешки в печати 40-х годов» [Кони, 1966–1969, т. 2, с. 211].

Н.Е. Врангель (1847–1923) вспоминает, как в 1856 году (ему тогда было девять лет, и он всего на пять лет моложе Родиона Раскольников, родившегося в начале 1840-х годов) он «выработал свою будущую программу жизни». Пунктом первым в ней значилось: «Я буду велик, как Наполеон или тот, который выдумал пар» [Врангель, 2003, с. 54]. И таких примеров были сотни, если не тысячи.

Гостиница «Наполеон»

В 1840-х годах на углу Малой Морской улицы и Вознесенского проспекта (на месте будущего «Англетера») в доходном доме С. Поггенполя [Цылов, 1849, с. 111; Весь Петербург, 1851, с. 160] (другое, более позднее обозначение ее адреса — дом княгини Юсуповой [Путеводитель, 1853, с. 56; Адресная книга, 1861, с. 87]) работала гостиница «Отель Наполеон» (Hotel Napoléon), которую содержал купец 3-й гильдии (с 1843 года) Наполеон Бокен (или, как его называют на русский манер в некоторых адресных книгах того времени — Бокин [Путеводитель, 1853, с. 56]), сам, вероятно, названный в честь французского императора, так как родился он в период наивысшего могущества Первой империи, примерно в 1810 году (в 1861 году ему был 51 год [Адресная книга, 1861, с. 87]).

Эта гостиница в числе одиннадцати других лучших гостиниц Петербурга упоминается во втором издании справочной книги «Весь Петербург в кармане» 1851 года, составленной Алексеем Гречем [Весь Петербург, 1851, с. 160]. В Путеводителе по Санкт-Петербургу 1865 года (то есть во время написания «Преступления и наказания») гостиница «Наполеон» по-прежнему включена в список лучших столичных гостиниц; отмечалось, что в ней «можно иметь хорошие комнаты и приличный стол» [Червяков, 1865, с. 219]. Наряду

с «Наполеоном» в 1865 году в Петербурге работали гостиницы «Париж», «Франция» и т.п., содержателями которых также были французы [Червяков, 1865, с. 219; Жерихина, 2015, с. 306].

По иронии судьбы именно гостиница «Наполеон» стала тем петербургским местом, которое сблизило двух выдающихся творцов наполеоновского мифа в русской литературе XIX века — Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Считается, что они никогда не были знакомы лично, однако в феврале — апреле 1849 года вполне могли случайно встретиться недалеко от этой гостиницы, вежливо раскланяться или просто пройти вплотную друг от друга.

Известно, что Лев Толстой остановился в отеле «Наполеон» в феврале 1849 года и прожил там несколько месяцев, о чем он писал в письме к старшему брату Сергею, заметив что петербургская жизнь приучает его к деятельности и заменяет для него невольное расписание [Толстой, 1935–1958, т. 59, с. 28–29]. Как отмечал двадцатилетний Лев Толстой: «Ежели же кто хочет жить и молод, то в России нет другого места, как Петербург; какое бы направление кто не имел, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, без всякого труда» [Толстой, 1935–1958, т. 59, с. 29].

Достоевский же с сентября 1848 года и до своего ареста в апреле 1849 года по делу петрашевцев жил в соседнем доме купца 3-й гильдии Я.Х. Шиля (тогда: Вознесенский проспект, 7, угол Малой Морской улицы, 24; современный адрес: Вознесенский проспект, 8, угол Малой Морской улицы, 24).

Дом Шиля в «Преступлении и наказании» в свете наполеоновского мифа

В доме Шиля Достоевский жил и ранее, с февраля 1847 года по январь 1848 года. Как писал в своей работе «Петербург Достоевского» (1923) Н.П. Анциферов: «Этот адрес представляет особый интерес. Как увидим позднее, Вознесенский проспект часто упоминается в его сочинениях. Действие “Преступления и Наказания” тесно связано с Вознесенским проспектом, и Раскольников жил в доме Шиля, приуроченном к Столярному переулку» [Анциферов, 1923, с. 20]. В 1860-е годы, когда было написано «Преступление и наказание», Шиле принадлежало в Петербурге несколько домов, но «адрес Раскольникова, естественно, никак не связан с этими современными городскими реалиями» [Тихомиров, 2016, с. 246].

Речь идет о сознательном переносе Достоевским деталей своей биографии в создаваемый им художественный мир.

Б.Н. Тихомиров отмечает, что номер квартиры, в которой живет Раскольников — 14 [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с.135] — совпадает с номером квартиры в доме Алонкина, где жил Достоевский в пору работы над «Преступлением и наказанием» [Тихомиров, 2016, с. 246]. Однако эти внешние автобиографические подробности никак не отменяют внутренних законов художественного произведения, тем более что художественные реалии в данном случае не являются прямыми отражениями исторических петербургских реалий. В свете истории литературного героя (как будет показано далее, числа, связанные с героями-наполеонистами, всегда могут быть дополнительно интерпретированы через наполеоновский миф) «14» — это еще и полное число лет, что Наполеон находился у власти во главе Франции, к тому же именно в 14-м году XIX века он был вынужден впервые отречься от престола.

Не будет преувеличением сказать, что почти все детали, связанные с Раскольниковым, так или иначе, преломляются через наполеоновский миф, задающий дополнительный историко-культурный объем образу героя и сюжету романа. Даже название дома, где живет Раскольников, — дом Шила — помимо описанного выше очевидного значения, может отсылать и к национальному герою Германии Фердинанду фон Шиллю (1773–1809), ставшему первым немецким повстанцем и лидером партизанского движения против наполеоновской тирании [Хинце, 2020, с. 61].

Фамилия петербургского купца-немца Я.Х. Шила — это русифицированная форма немецкой фамилии Schill (Шилль), которая была прославлена в начале века бравым прусским майором, убитым в борьбе за свободу своего отечества, страдающего под гнетом наполеоновской империи. Про отважного прусского предводителя гусар Шилля ходили слухи, будто он «при обучении своего полка показывал прием, как держать саблю, чтобы снести ею голову француза, и как вторым приемом снести еще одну голову француза» [История XIX века, 1938–1939, т. 2, с. 106]. Отряд Шилля был разгромлен в 1809 году, а труп его — обезглавлен победителями [Егер, 1997–1999, т. 4, с. 236].

О Фердинанде фон Шилле Достоевский мог узнать из многих источников, в том числе из «Истории восемнадцатого и девятнадцатого столетия до падения Французской империи» Ф.К. Шлоссера

(1776–1861), где ему посвящено в общей сложности более десяти страниц. Первое издание этого труда вышло в 1823 году, и с тех пор неоднократно переиздавалось при жизни автора с дополнениями. Писатель был хорошо знаком с этим и другими сочинениями выдающегося немецкого историка, не раз упоминал их в своих произведениях и даже имел в своей домашней библиотеке восемь томов «Истории Шлоссера» [Библиотека Достоевского, 2005, с. 147]. Вполне возможно, что дома у Достоевского был первый русский перевод «Истории восемнадцатого и девятнадцатого столетия», изданный в 1858–1860 годах в переводе Н.Г. Чернышевского, А.П. Пыпина, Е.А. Белова и других в «Исторической библиотеке» при журнале «Современник» в восьми томах. В русском переводе седьмого тома этого труда Шилль периодически называется «Шилем» [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 190, 192]. Говоря о прусском майоре и подобных ему деятелях, Шлоссер отмечает, что тогда «дремлющие умы были пробуждены романтическими подвигами Наполеона» [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 260]. Историк скептически относился к этому немецкому воителю, не считая его человеком, «чистым в нравственном отношении», и полагая, что его целью было «восстановление старины с дракою и грабежом» [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 362]. Вместе с тем, Шлоссер отмечает, что популярность Шилля в прусском обществе была огромна, а сам он воодушевлял молодых людей на совершение подвигов: «Королева и берлинские дамы сделали, как обыкновенно бывает, энтузиазм к Шиллю делом моды, и очень повредили в глазах рассудительных людей добродушному делу, внушив молодым людям, которые могли быть очень полезными отечеству, мысль, что они призваны совершить невозможное» [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 362]. Обожание Шилля доходило до того, что его военные операции даже сравнивали с чудесами Жанны д'Арк [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 363]. Как подытоживает Шлоссер: «Жестокость против соучастников Шилля сильнее всего другого способствовала пробуждению той вообще чуждой немцам мстительности против французов, которая одушевляла всю немецкую молодежь в 1813 году» [Шлоссер, 1868–1871, т. 7, с. 366].

Таким образом, петербургский «Наполеон» Раскольников живет в доме, носящем имя, символическое для немецкого сопротивления Наполеону (а мы знаем, со слов Разумихина, о двойственном характере главного героя: «<...> точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются» [Достоевский, 1972–1990,

т. 6, с. 165]). Самого Раскольникова при этом также называют немцем. В самом начале романа «один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью» во все горло кричит Раскольникову: «Эй ты, немецкий шляпник!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 6–7]). Ю.М. Лотман в статье «Сюжетное пространство русского романа XIX столетия» (1987) связывает это прозвище героя Достоевского с поэмой Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842), где «Селифан называет лукавого пристяжного коня — своеобразного двойника Чичикова — “варвар! Бонапарт ты проклятой”, притом этого же коня он называет “панталонник ты немецкой”» [Лотман, 2005, с. 721].

В «Преступлении и наказании» внешняя «немецкость» героя может служить дополнительным указанием и на его духовную немоту: вместо сопротивления Наполеону, как Шилль, герой предпочитает сам стать новым властелином, которому всё разрешается. Неслучайно, когда Раскольников возвращается с Васильевского острова от Разумихина и останавливается на мосту, глядя на панораму Петербурга, про его ощущения сообщается: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 90].

Однако «высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 7] шляпа главного героя связана не только с «немецким» началом, но и с другим историческим именем. Дмитрий Разумихин «неизвестно почему» называет ее «пальмерстоном» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 101], — очевидно, в честь английского политика Генри Джона Темпла Палмерстона (или Пальмерстона; 1784–1865), занимавшего в разные годы посты министра иностранных дел (в 1830–1834, 1835–1841 и 1846–1851 годах) и премьер-министра Великобритании (с 1855 по 1858 год и с 1859 по 1865 год).

Почему же *российский* герой-наполеонист носит на голове *немецкую* шляпу, называемую по имени *английского* политика «пальмерстоном»? Лорд Пальмерстон, помимо прочего, вошел в историю еще и тем, что, будучи главой внешнеполитического ведомства Британской империи, дал в 1840 году французским властям разрешение на перенос останков императора Наполеона I с острова Святой Елены в Париж [Норвич, 2020, с. 356; Виноградов,

2006; Таньшина, 2020, с. 54-57], что вдохнуло новую жизнь в культ Наполеона во всем мире и содействовало усилению бонапартизма в самой Франции. Как пишет Р.М. Зотов: «Пальмерстон был очень рад, что сбыл с рук хранение этого праха» [Зотов, 1857, ч. 1, с. 308]. Племянник Наполеона I — Луи-Наполеон (будущий император Наполеон III), живший тогда в Лондоне, откликнулся на события в Париже памфлетом «Наполеоновская идея», в котором заявлял, что «не столько останки императора надо было вернуть, сколько позаимствовать его идеи» [Смирнов, 2003, с. 63].

«Наполеоновский» Петербург в ранних произведениях Ф.М. Достоевского

В ранних произведениях Достоевского в той или иной форме уже присутствуют все основные идеи и приемы, гениально развернутые им позднее в романах т.н. «Великого пятикнижия». Не является здесь исключением и тема «наполеоновского» Петербурга, относящаяся не только к строениям и общественным развлечениям города, но и к внутреннему миру людей, его населяющих. В рассказе «Господин Прохарчин», опубликованном в десятом номере «Отечественных записок» в 1846 году, писатель впервые в своем творчестве изобразил героя-наполеониста в виде полунищего петербургского чиновника, с неведомой целью отказывающего себе во всем необходимом и откладывающего все свои деньги в тюфяк. Этот тюфяк, набитый старыми монетами, среди которых есть и один наполеондор, может отсылать к эпизоду из ранней биографии Наполеона. Дядя будущего императора и его крестный — архидиакон Аяччо Люсьен (Люциано/Лючиано) Буонапарте, отличавшийся большой скупостью, — оставил после своей смерти в 1791 году семье Наполеона тюфяк, набитый деньгами, который значительно поправил ее бедственное положение [Подосокорский, 2022б, с. 338–340].

В рассказе Достоевского один из жильцов, Марк Иванович, обрушивается на заболевшего Семена Ивановича Прохарчина с весьма странными обвинениями: «Что ж вы? баран вы! ни кола, ни двора. Что вы, один, что ли на свете? для вас свет, что ли, сделан? Наполеон вы, что ли, какой? что вы? кто вы? Наполеон вы, а? Наполеон или нет?! Говорите же, сударь, Наполеон или нет?..» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 257]. Это, казалось бы, ничем не мотивированное троекратное повторение имени Наполеона, более похожее на

магическое призывание духа знаменитого правителя и полководца (отмечу, что до этого момента о Наполеоне не вспоминали ни сам Прохарчин, ни другие персонажи, ни повествователь), формирует особый нерв рассказа, выводящий весь сюжет на другой уровень. Не дождавшись ответа от Семена Ивановича, Марк Иванович в испуге сам же и отвечает на свои риторические вопросы: «Кто вы? что вы? Нуль, сударь, блин круглый, вот что!» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 255].

В такой своеобразной манере Марк Иванович, человек «умный и начитанный» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 241], похоже, обыгрывает пушкинские строки из романа «Евгений Онегин»:

Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно;
Нам чувство дико и смешно
[Пушкин, 1950–1951, т. 5, с. 42],

— давая понять чиновнику-скопидому, что тот вовсе не Наполеон и не «единица» (не «один на свете»), а что Семен Иванович — лишь «нуль», «круглый блин». Позднее эта дилемма будет стоять и перед героем «Преступления и наказания» Родионом Раскольниковым, пытающимся для себя понять — к какой категории людей он относится: необыкновенных, которым «все разрешается», или обыкновенных, с которыми можно особенно не считаться.

Любопытно рассмотреть имена жильцов, принимающих деятельное участие в судьбе «богатого нищего» Прохарчина: Судьбин, Океанов, Оплеваниев и проч. Все они напоминают об устойчивых элементах наполеоновской легенды, окончательно сформировавшейся в период ссылки Наполеона на остров Святой Елены. О великом избраннике Судьбы⁷, заточенном на клочке земли посреди

⁷ Критик В.Г. Белинский в своих «Литературных мечтаниях» (1834), к примеру, так писал о Наполеоне: подобно страшному метеору, в начале XIX столетия «возник сын судьбы, обреченный всею ее ужасающею мощию, или, лучше сказать, сама судьба явилась в образе Наполеона, того Наполеона, который сделался властителем наших дум, говоря о котором и самая посредственность возвышалась до поэзии» [Белинский, 1953–1959, т. 1, с. 68]. Поэт В.Г. Бенедиктов в стихотворении «Ватерлоо» (1836) назвал Наполеона «дивным мужем судьбе» и «помазанником судьбины» [Бенедиктов, 1939, с. 91, 95] и т.п.

Океана⁸ (остров Святой Елены и по сей день остаётся одним из самых удалённых от основной цивилизации уголков мира) и оплеванном антибонапартистской пропагандой, писали с восторгом и возмущением многие поэты, прозаики, драматурги, критики, публицисты и мемуаристы первой половины XIX века. А.С. Пушкин в оде на смерть Наполеона в 1821 году также отдал дань прославлению великого человека:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
[Пушкин, 1950–1951, т. 2, с. 60].

Примечательно, что Прохарчин в рассказе предстает «как будто **застывший или окаменевший**», походит более на тень разумного существа, чем на то же разумное существо» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 245]¹⁰. В квартире Устиньи Федоровны он обитает «не то десять лет, не то уж пятнадцать, не то уж и все те же двадцать пять» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 246]. В свете наполеоновской темы эти числа также можно интерпретировать следующим образом: десять лет — время существования Первой империи Наполеона, пятнадцать лет — общее время пребывания Наполеона у власти, двадцать пять лет — период с начала Французской революции 1789 года и до падения Наполеона.

Кроме того, Прохарчин больше полагался на собственный ум и не жаловал никаких «советников»: «Советников не любил никаких, выскочек тоже не жаловал и всегда, бывало, тут же на месте укорит насмешника или советника-выскочку, пристыдит его, и дело с концом» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 242]. Это перекликается с оценкой, которую дал Наполеону проникательный аббат Сийес

⁸ Характерны строки М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Последнее новоселье» (1841), посвященном переносу останков Наполеона I с острова Святой Елены в Париж: «Как будет он жалеть, печалию томимый, / О знойном острове под небом дальних стран, / Где сторожил его, как он непобедимый, / Как он великий, океан!» [Лермонтов, 2014, т. 1, с. 342].

⁹ Здесь и далее жирным шрифтом выделено мной — Н.П.

¹⁰ В «Преступлении и наказании» (о чем речь пойдет в статье далее) Раскольников также будет связывать наполеоновскую идею с огрублением человеческой плоти и статичностью положения человека.

после переворота 18 брюмера: «Он не нуждается ни в советниках, ни в помощниках; политика, законы, искусство правления так же знакомы ему, как командование армией» [Куриев, 2020, с. 192–193].

Герой-мечтатель другого произведения Достоевского, сантиментального романа «Белые ночи» (1848) бесцельно бродит по петербургским улицам и признается Настеньке, что мечтает о разных исторических кровопролитиях, в числе которых упоминается и сражение при Березине [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 116]. Березина 1812 года была одновременно символом поражения и славы Наполеона, а переход остатков Великой армии через нее в суровых погодных условиях поражал умы современников своей катастрофичностью (многие так и не смогли перебраться на другой берег и погибли) и героизмом.

Российские писатели многократно обращались к этой странице Отечественной войны: в 1844 году в Петербурге вышел исторический роман Р.М. Зотова «Бородинское ядро и березинская переправа», а в 1848 году — завершающий, пятый том «Истории Наполеона» уже умершего к тому моменту Н.А. Полевого (1796–1846), содержащий описание перехода французов через Березину. Излагая ход битвы при Березине, Полевой отмечал, что причиной того, что Наполеону и всем его генералам удалось уйти от преследующей их российской армии, была вовсе не бездарность русских военачальников, но гений французского императора: «Главная причина неполного успеха заключается в том, что против них был — первый военный гений всех веков и всех народов» [Полевой, 1844–1848, т. 5, с. 96].

В рассказе «Честный вор», имевшем в первоначальной журнальной редакции 1848 года название «Рассказы бывалого человека. (Из записок неизвестного)», Достоевский обращается к нелегкой судьбе ветерана наполеоновских войн, еле-еле сводящего концы с концами в Петербурге сороковых годов. Во Франции литература на эту тему получила широкое распространение на полтора десятилетия раньше. «В самом начале 1830-х гг. во французской литературе появляется целый ряд произведений, посвященных положению ветеранов Великой армии, солдат и офицеров, вернувшихся с войны и оказавшихся в маргинальном положении, не у дел, без великой мечты, без идеи, привыкших к войне и живших ностальгическими воспоминаниями о ней» [Таньшина, 2019, с. 171]. Одним из основоположников этого направления был О. де Бальзак (1799–1850). Достоевский следует и за ним, и за Н.В. Гоголем (1809–1852), изобразившим в поэме

«Мертвые души» (1842) капитана Копейкина, потерявшего руку и ногу в одной из битв с наполеоновской армией — «под Красным ли или под Лейпцигом» [Гоголь, 2012, с. 188].

В «Честном воре» показано бедственное положение российского ветерана войн с Наполеоном — Афанасия Ивановича, «хорошего, бывалого человека», «отставного особого рода», нанимающего через кухарку Аграфену в петербургском доме маленькую каморку подле кухни, где даже «кровати поставить нельзя» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 82]. Новый жилец, у которого из имущества есть только стол и стул, вспоминает о том, как в 1812 году, во время нашествия Наполеона, в пятнадцатилетнем возрасте, «сущим мальчишкой» поступил на военную службу, участвовал «почти во всех сражениях незабвенной эпохи тринадцатого и четырнадцатого годов», включая «битву народов» под Лейпцигом, как воевал вместе с прославленным героем Александром Фигнером, который втерся в доверие к самому Бонапарту и шпионил за ним, как голодал, убивал десятками пленных безоружных французов, как попал в плен, освободился и дошел до самого Парижа [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 423].

Писатель, с детства знакомый с подобными устными рассказами участников войн с Наполеоном, одним из которых был и его отец (М.А. Достоевский был призван на службу, еще будучи студентом, для лечения раненых в августе 1812 года [Карташов, 2007, с. 201]), затрагивает в «Честном воре» проблему повседневного петербургского быта таких заслуженных ветеранов низшего сословия: «Службы его всего было восемь лет. Был он из белорусских губерний, поступил в кавалерийский полк и теперь числился в отставке. Потом он постоянно проживал в Петербурге, служил у частных лиц и уж Бог знает каких не испытал должностей. Был он и дворником, и дворецким, и камердинером, и кучером, даже жил два года в деревне приказчиком. Во всех этих званиях оказывался чрезвычайно способным. Сверх того, был довольно хороший портной. Теперь ему было лет пятьдесят и жил он уже сам по себе, небольшим доходом, получаемым в виде ежемесячной пенсии от каких-то добрых людей, которым услужил в свое время; да, сверх того, занимался портняжным искусством, которое тоже кое-что приносило» [Достоевский, 1972–1990, т. 2, с. 422–423].

В набросках Достоевского к задуманной им переработке ранней повести «Двойник» 1846 года о приключениях одного сходящего

с ума петербургского титулярного советника, были сформулированы «наполеоновские» мечты господина Голядкина-старшего и его двойника: «Вдвоем с младшим. Мечты сделаться Наполеоном, Периклом, предводителем русского восстания» [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 434]. Достоевский, несомненно, намеревался усилить наполеоновские черты в образе господина Голядкина, но по неизвестным причинам так этого и не сделал. Однако некоторые петербургские реалии, упомянутые в тексте повести, предания также связывают с Наполеоном. В частности, господин Голядкин после первой встречи со своим двойником переходит через Аничков мост¹¹ [Достоевский, 1972–1990, т. 1, с. 142], создатель которого барон П.К. Клодт (1805–1867), сын российского генерал-майора, участника войны 1812 года К.Ф. Клодта (его портрет украшает знаменитую Военную галерею Зимнего дворца), якобы вылепил между ног одного из коней лицо императора Наполеона [Синдаловский, 1997, с. 242].

Считается также, что одним из прототипов господина Голядкина мог быть знакомый Достоевского — сотрудник журнала «Отечественные записки», писатель Я.П. Бутков (1821–1856), которого звали точно так же, как и героя «Двойника» — Яковом Петровичем [Альтман, 1975, с. 14–19], и который вполне оправдывал прозвище «голядка» (голыш, бедняк), ибо жил в нищете. Критики второй половины 1840-х годов нередко сопоставляли произведения Достоевского и Буткова, действительно, близкие по тематике, изобразительным приемам и стилю [Григорьев, 1990, т. 2, с. 323]. Как отмечает М.С. Альтман, «с автором “Двойника” роднит Буткова его пристрастие к удвоению или, еще чаще, раздвоению его персонажей» [Альтман, 1975, с. 15].

В сборнике Я.П. Буткова «Петербургские вершины» (1845–1846) не обошлось и без рассуждений о наполеонизме *маленького человека*: «Мелкий человек, ни разу не попавшийся в краже казенных денег, тоже находит панегристов, которые глупо уверяют его и себя будто он *гений*; но он мелкий человек с вытертыми локтями, по совести, не более как *вор*, в новейшем

¹¹ На Аничковом мосту во время выхода «Двойника», как показал Б.Н. Тихомиров, также стояли две пары скульптур-двойников, одна из которых была «фальшивая», то есть представляющая собой раскрашенную под бронзу алебастровую копию прежней, подаренной по распоряжению Николая I прусскому королю Фридриху Вильгельму IV [Тихомиров, 2022, с. 302].

значении слова. Даже купечество российское приняло в свой язык бусурманское слово, хотя, кажется, и некстати бы русскому человеку крестить себя немецким прозвищем; но вот причина: слышали мы от людей чиновных и ученых, что Наполеон был гений; поэтому, что бы ни значило такое мудреное слово, все-таки очень приятно носить одно название с Наполеоном. О, Наполеон! Наполеон — и гений! Много русских разумных голов закружились от этих двух слов, и вот давно ли обанкротился какой-то откупщик, давно ли он обеспечил себя десятком домов, выстроенных и купленных на *женино имя*, на казенные деньги и на достояние тысячи обманутых за благородную доверенность достаточных семейств, которым уже не бывать достаточными, а идти по миру просить милостыню ради Христа; давно ли? И уже все, знающие этот чудный коммерческий оборот, кричат: Карп Карпович — второй Наполеон, даже — Карп Карпович — *второй гений!* Но стою за значение Наполеона и гения (с полным сознанием, что для Наполеона и гения нет в том никакой надобности) и опять скажу: это также не гений, это все-таки *вор*, но не в нынешнем, слабом смысле, это вор в древнем, обширном значении слова» [Бутков, 1845–1846, кн. 1, с. 112–113].

Герои других рассказов Буткова любят «поговорить обо всем, особливо о предметах непустозвонных — о Фортуне, о рублях и Наполеоне, о котором читали нечто весьма обстоятельное» («Темный человек», 1848 [Бутков, 1967, с. 246–247]), а стены их комнат непременно украшает портрет Наполеона («Горюн», 1847 [Бутков, 1967, с. 223]; «Новый год», 1848 [Бутков, 1848, с. 219]), «как вообще водится в *особых* комнатах» [Бутков, 1967, с. 246]. Изображение бедных петербургских наполеонистов с уязвленной амбицией, не гнушающихся обманом других для достижения своих целей, несомненно, сближает Буткова и раннего Достоевского, хотя масштаб их дарования и глубина раскрытия ими наполеоновской темы, конечно, несопоставимы.

В «Записках из подполья» (1864) Достоевский, спустя полтора десятилетия, снова обратился к петербургскому изводу наполеоновского мифа. Герой записок, отставной петербургский чиновник с раздутым самолюбием, в духе времени осуждает Наполеона за кровопролитие, полагая, впрочем, что и современные «цивилизованные» люди XIX века недалеко от него ушли в своей жестокости: «Да оглянитесь кругом: кровь рекою льется, да еще развеселым

таким образом, точно шампанское. Вот вам всё наше девятнадцатое столетие, в котором жил и Бокль. **Вот вам Наполеон — и великий, и теперешний.** Вот вам Северная Америка — вековечный союз. Вот вам, наконец, карикатурный Шлезвиг-Гольштейн... И что такое смягчает в нас цивилизация? Цивилизация вырабатывает в человеке только многосторонность ощущений и... решительно ничего больше. А через развитие этой многосторонности человек еще, пожалуй, дойдет до того, что отыщет в крови наслаждение» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 112].

Вместе с тем, подпольный парадоксалист видит в самом себе успешного Наполеона-литератора, который одерживает блистательные победы в сфере идей: «Я влюбляюсь, будучи знаменитым поэтом и камергером; получаю несметные миллионы и тотчас же жертвую их на род человеческий и тут же исповедываюсь перед всем народом в моих позорах, которые, разумеется, не просто позоры, а заключают в себе чрезвычайно много “прекрасного и высокого”, чего-то манфредовского. Все плачут и целуют меня (иначе что бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем. Затем играется марш, выдается амнистия, папа соглашается выехать из Рима в Бразилию; затем бал для всей Италии на вилле Боргезе, что на берегу озера Комо, так как озеро Комо нарочно переносится для этого случая в Рим; затем сцена в кустах и т. д., и т. д. — будто не знаете?» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 133–134]. Вероятно, про подобных «писателей» язвительный критик В.Г. Белинский говорил в статье, опубликованной в «Петербургском сборнике» (1846) Н.А. Некрасова: «Иной разразится повестью в год — и смотрит Наполеоном после аустерлицкой битвы. Удастся написать в год две повести: это уже равняется завоеванию всего мира» [Петербургский сборник, 1846, с. 549].

Наполеоновские черты Родиона Раскольникова

Герой «Записок из подполья» старается даже жестами походить на своего кумира: «Я ждал минуты три, стоя перед ним, с сложенными а la Napoleon руками» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 171]. Здесь имеется в виду характерный для изображения Наполеона в литературе и живописи жест скрещенных на груди рук — его повторяет в «Преступлении и наказании» и самый известный ге-

рой-наполеонист Достоевского, Родион Раскольников, на поминках по Мармеладову, когда Лужин обвиняет Соню в воровстве: про Раскольникова сказано, что он «стоял у стены, сложив накрест руки, и огненным взглядом смотрел» на происходящее [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 302]. *Огненный взгляд* — еще одна романтическая черта легендарного образа Наполеона, воспетая многими поэтами. К примеру, она присутствует в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Воздушный корабль» (Из Зейдлица) (1840):

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем
[Лермонтов, 2014, т. 1, с. 315].

Раскольников, как и подпольный, пытается связать влияние Петербурга с вызреванием особых эгоцентрических идей, заметив, что «низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320]. Любопытно, что в его возрасте (а герою на момент начала повествования — 23 года [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 396]) молодой французский офицер Наполеон Бонапарт с трудом сводил концы с концами, и тоже был вынужден заложить свои часы¹² (это произошло в Париже в 1792 году, всего за год с небольшим до триумфального взятия Тулона, после которого его карьера пошла в гору), чтобы рассчитаться с набранными ранее долгами [Леви, 2006, с. 24].

Н.П. Анциферов, отмечавший, что Достоевский, в отличие от О. де Бальзака, не создает портреты отдельных петербургских улиц, но «обычно обращается к характеристикам отдельных домов» [Анциферов, 2009, с. 488], связывает дом старухи-процентщицы в «Преступлении и наказании» с домом старой Графини в «Пиковой даме» Пушкина. «Достоевский в одном из набросков его неосуществленных замыслов записал: (*Фантастический колорит. Пиковая дама*)¹³. Этот “фантастический колорит” “Пиковой

¹² В произведениях Достоевского такие, казалось бы, незначительные «совпадения» между биографией персонажа и того, кому он пытается подражать, вовсе не случайны, а закономерны. Я не раз писал о подобных историко-литературных рифмах на материале «Господина Прохарчина» [Подосокорский, 2022б, с. 338–340], «Идиота» [Подосокорский, 2007б, с. 116], «Братьев Карамазовых» [Подосокорский, 2007а, с. 111] и других текстов.

¹³ На связь Раскольникова с пушкинским Германном есть намек и в основном тексте

дамы” окрашивает и дом процентщицы, тот дом, через который лежал путь к обогащению поклонника Наполеона, Раскольников. К этому дому влекла бывшего студента такая же “неведомая сила”, которая притягивала схожего с Наполеоном Германна к дому Графини. Здесь нужно вспомнить и возвращение героя “Пиковой дамы” в комнату его жертвы, вспомнить и ту луну, которая озаряла его комнату в час посещения призрака Пиковой дамы, в тот час, когда Германн неожиданно очнулся от сна (или сон его продолжался?)», пишет исследователь [Анциферов, 2009, с. 358].

Конфликт ума и сердца в душе Раскольникова. Петербург — «голова» России

Раскольников создает свою теорию о великих людях, которым дозволяется проливать кровь по совести ради реализации великих идей, основываясь исключительно на рациональных, логических доводах, заглушая при этом голос своего сердца, совесть. Внутренне размышляя об убийстве «бесполезной, гадкой, зловредной» Алёны Ивановны, герой приходит к убеждению, что задуманное им — «не преступление», и что стоит только сохранить «всю волю и весь рас-судок», и тогда все затруднения «будут побеждены» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 59]. Повествователь сообщает, что «казуистика его выточилась, как бритва, и сам в себе он уже не находил сознательных возражений» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 58]. При этом подчеркивается, что после совершенного убийства сердце Раскольника «опустело» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 81], «было пусто и глухо» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 132].

Разумихин так аттестует своего друга: «Чувств своих не любит высказывать и скорей жестокость сделает, чем словами выскажет сердце. Иногда, впрочем, вовсе не ипохондрик, а просто холоден и бесчувствен до бесчеловечия, право, точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются» [Достоевский,

«Преступления и наказания». Разумихин говорит пребывающему в бреду герою: «Эк ведь наладит! Уж не за секрет ли какой боишься? Не беспокойся: о графине ничего не было сказано» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 98]. О Германне, как возможном литературном прототипе Раскольникова, также писали С.В. Белов, Ю. Мармеладов, Б.Н. Тихомиров и многие др. Т.А. Боборыкина в недавней статье замечает: «Амбивалентность природы пушкинского героя, сравнение его с Наполеоном и сам сюжетный треугольник главных героев предвосхищают то, что мы увидим в истории Раскольникова» [Боборыкина, 2022, с. 56].

1972–1990, т. 6, с. 165]. На это качество Раскольникова указывает во второй беседе с ним и следователь Порфирий Петрович: «И опять повторю-с, что вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня, старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка вас соблазняют-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 263]. В третьем разговоре с Раскольниковым Порфирий даст ему совет: «А вы великое сердце имейте да поменьше бойтесь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 351]. Собеседники Раскольникова нередко называют его «умным» человеком [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 362, 396], и сам он больше всего ценит крепкий ум, как вернейшее средство достижения могущества: «Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321].

Укоряет себя герой разве что в недостатке ума: «Видишь, я тогда всё себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее? Потом я узнал, Соня, что если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320–321]. Именно недостаточная автономность и развитость ума, как полагает Раскольников, помешала ему сделаться новым Наполеоном: «Всё это я сам с собой переспорил, до последней малейшей черты, и всё знаю, всё! И так надоела, так надоела мне тогда вся эта болтовня! Я всё хотел забыть и вновь начать, Соня, и перестать болтать! И неужели ты думаешь, что я **как дурак пошел, очертя голову? Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило!** И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, **кому этого и в голову не заходит** и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? — так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321].

Схожим образом смотрел на свои политические «затруднения» и исторический Наполеон, который однажды заявил Жозефине, что «у политики нет сердца, а есть только голова» [Тарле, 1957–1962, т. 7, с. 220]. В другой раз он признался Пьеру-Луи Рёдереру, что в нем живут «два разных человека: человек головы и человек сердца. Не думайте, что у меня нет чувствительного сердца, как у других людей. Я даже довольно добрый человек. Но с ранней моей юности я старался заставить молчать эту струну, которая теперь не издает у меня уже никакого звука» [Тарле, 1957–1962, т. 7, с. 41]. Э.О. де Лас Каз в «Мемориале Святой Елены» также отмечает стремление Наполеона заглушить любые проявления его *сердца*: «Очевидно и то, что император почти всегда подавляет и скрывает и мучения, которые испытывает, и — что гораздо удивительнее — добрые побуждения своего сердца. Я часто наблюдал, как он подавлял в себе проявления чувствительности, словно считал, что они его компрометируют» [Лас Каз, 2010, т. 1, с. 474]. Впрочем, Наполеон признавал, что «от ума до здравого смысла дальше, чем думают» [Лас-Каз, 2019, с. 35].

Ко времени написания «Преступления и наказания» в литературе давно утвердилось представление о Наполеоне как о необычайно хладнокровном, сугубо рациональном и предельно расчетливом человеке. Так, в повести И.И. Панаева «Она будет счастлива. Эпизод из воспоминаний петербургской жизни» (1836) Светлицкий говорит Горину, «благоговеющему перед дивным величием Наполеона и Байрона» [Панаев, 1912, т. 1, с. 71]: «В играх надо благоразумие, наполеоновский расчет и ледяное хладнокровие...» [Панаев, 1912, т. 1, с. 94].

По убеждению императора Наполеона I, в России жизнь *сердца* была сосредоточена в Москве, а жизнь *головы* — в Петербурге. Перед Русской кампанией он заявил: «Если я займу Киев, то этим я возьму Россию за ноги, если Петербург, то — за голову, а если Москву, то этим поражу Россию в сердце» [Тарле, 1957–1962, т. 11, с. 690]. Похожее сравнение можно обнаружить и в «Истории Консульства и Империи» (1845–1862) Адольфа Тьера, который также называет Петербург «головой России», подчеркивая, что именно поэтому в нем так хорошо приживаются различные заграничные идеи: «Санкт-Петербург, искусственное творение Петра Великого, город чиновников, придворных, торговцев и иностранцев, не был, подобно Москве, сердцем России, он был скорее ее головой, притом переполненной заимствованными за границей идеями» [Тьер, 2013–2014,

т. 2, с. 619]. О том, что Петербург является, прежде всего, «центром умственной жизни России» пишет в своих воспоминаниях «Петербург в сороковых годах» и писатель В.Р. Зотов [Зотов, 1890, с. 30].

Наполеон в Египте, Египет в Петербурге

В беседе с Раскольниковым в распивочной отставной чиновник Мармеладов мимоходом описывает современный Петербург, испытывавший на себе культурное воздействие военных кампаний Наполеона. В частности, Мармеладов признается: «Пятый день из дома, и там меня ищут, и службе конец, и вицмундир в распивочной у Египетского моста лежит, взамен чего и получил сие одеяние... и всему конец!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 20]. Египетский мост через Фонтанку (1826, скульптор П.П. Соколов) являлся одним из первых цепных транспортных мостов, построенных в Петербурге в 20-е годы XIX века. В его архитектуре отразилась мода того времени на искусство Древнего Египта [Федотова, 2008, с. 12], широко распространившаяся в Европе после Египетского похода французской армии 1798–1801 годов, начатого под предводительством Наполеона Бонапарта, и публикации в Париже 20-томного «Описания Египта» («Description de l'Égypte», 1809–1822) Э.Ф. Жомара [Кулаков, 2007, с. 610].

Египетский мост был выполнен в т.н. египетском стиле, одной из разновидностей стиля ампир, возникновение которого также связано с появлением империи Наполеона Бонапарта. О петербургских строениях, выполненных в «наполеоновском стиле», Достоевский писал в статье «Маленькие картинки» в своей рубрике «Дневник писателя», выходившей в газете-журнале «Гражданин» в 1873 году: «Удивительна мне эта архитектура нашего времени. Да и вообще архитектура всего Петербурга чрезвычайно характеристична и оригинальна и всегда поражала меня, — именно тем, что выражает всю его бесхарактерность и безличность за всё время существования. <...> В этих зданиях, как по книге, прочтете все наплывы всех идей и идеек, правильно или внезапно залетавших к нам из Европы и постепенно нас одолевавших и полонивших. Вот бесхарактерная архитектура церковей прошлого столетия, вот жалкая копия в римском стиле начала нашего столетия, а вот и эпоха Возрождения и отысканный будто бы архитектором Тоном в прошлое царствование тип древнего византийского стиля. Вот затем несколько зданий — больниц, институтов и даже дворцов первых

и десятых годов нашего столетия, — это стиль времени Наполеона Первого — огромно, псевдовеличественно и скучно до невероятности, что-то натянутое и придуманное тогда нарочно, вместе с пчелами на наполеоновской порфире, для выражения величия вновь наступившей тогда эпохи и неслыханной династии, претендовавшей на бесконечность» [Достоевский, 1972–1990, т. 21, с. 106–107].

Египетский мост, на котором специально акцентируется внимание в «Преступлении и наказании» выглядел следующим образом: «На устоях, в пределах стенок набережных, на четырех чугунных пьедесталах были установлены отлитые из чугуна сфинксы, над головами которых находились небольшие шестигранные фонари. Чугунные порталы с колоннами (их капители напоминали листья лотоса), поддерживающие цепи, были украшены египетскими орнаментами (изображениями коленопреклоненных жрецов с голубями в руках, орнаментом из косых и прямых штрихов) и иероглифами» [Антонов, 2002, с. 86]. О.И. Сенковский в повести «Учёное путешествие на Медвежий остров» (1833) из цикла «Фантастические путешествия барона Брамбеуса» высмеял эту имитацию египетских иероглифов от лица доктора Шпурцманна, который поначалу скептически относился к иероглифической системе французского востоковеда и основателя египтологии Ж.-Ф. Шампольона (1790–1832), называя ее «филологическим мечтательством», но постепенно увлекся ею и даже пообещал по своем возвращении в Петербург пойти «прямо к Египетскому мосту, виденному им на Фонтанке» и, «не полагаясь на чужие толки», начать «лично разбирать находящиеся на нем иероглифические надписи, чтоб узнать с достоверностью, в честь какому крокодилу и за сколько столетий до Р.Х. построен этот любопытный мост» [Сенковский, 1858, с. 77–78].

Возникновение урбанонима *Египетский мост* в тексте романа отнюдь не случайно. Во-первых, очень показательно, что его название не зашифровано и приводится в тексте полностью, в отличие от упоминаний других петербургских мостов: «К–на моста» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5], «Т–ва моста» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50], «–ского моста» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 131] и проч. Во-вторых, для Раскольниковца, Египетская экспедиция генерала Бонапарта (не столько сама по себе, сколько по своим историко-культурным последствиям) имеет исключительно важное значение [Подосокорский, 2022а, с. 108]. И если сперва эта веха наполеоновской карьеры лишь дополняет в теории героя

прочие: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]; то вскоре «посторонняя мысль» героя отдает ей явный приоритет: «Наполеон, пирамиды, Ватерлоо — и тощая гаденькая регистраторша <...>, — ну каково это переварить хоть бы Порфирию Петровичу!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211]. В последних словах героя «пирамиды» (одновременно и величайший из памятников древности, и место обозначения одного из прославленных наполеоновских сражений) символизируют важнейший этап возвышения Наполеона, контрастирующий с его фатальным поражением при Ватерлоо. В этой же шестой главе третьей части романа Раскольников сравнивает с «пирамидой египетской» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 210] и возможную против него «улику», просмотренную им «стотысячную черточку».

В разговоре с Соней Мармеладовой (в четвертой главе пятой части), герой вновь сопоставляет события египетского похода со своим преступлением, рефлексиря по поводу «монументальности» (лат. *monumentum* — воспоминание, память, памятник) им содеянного: «Что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы **вместо всех этих красивых и монументальных вещей** просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом “вопросе” я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319].

И Раскольников, и Мармеладов, обращающие внимание на «красивые и монументальные вещи», опьянены каждый своим

грехом (самовозвеличения и самобичевания), причем Мармеладов в своей исповеди не просто так заостряет внимание на том, что его вицмундир (символ ответственной и честной жизни, последний шанс на которую ему дала дочь Соня, предоставив на покупку этого мундира свои деньги, добытые дорогой ценой) лежит в другой распивочной у Египетского моста¹⁴, и теперь «всему конец». Эти его слова — своего рода напоминание Раскольникову, что тот встал на путь гибели, идя по пути Наполеона, который кстати связывал собственное обожествление именно с пребыванием в Египте. «Только в Египте, — вспоминал он, будучи уже пожизненным консулом Французской республики, — я чувствовал себя свободным от пут сковывающей цивилизации, я воочию видел средства осуществить все свои мечты. Я видел себя едущим на слоне с тюрбаном на голове и новым Кораном в руках, написанным в соответствии с новой религией, которую я основал. Я хотел объединить в этом походе опыт Запада и Востока, поставить историю на службу себе» [Людвиг, 1998, с. 118].

Э.О. де Лас Каз записал признание Наполеона в том, что он намеревался даже построить египетский храм в Париже: «Главная разница между Египтом и нами была, с его точки зрения, в том, что Египет — благодаря чистоте воздуха и природе его строительных материалов — навечно сохранил свои монументальные памятники, в то время как наш европейский климат не позволяет сохранять образцы нашей монументальной архитектуры в течение продолжительного времени: все они вскоре подвергнутся действию коррозии и исчезнут. Остатки храмов и дворцов, которые насчитывают несколько тысяч лет, можно найти на берегах Нила, но на берегах Сены ничего не сохранится. Император очень сожалеет, что он не

¹⁴ Т.А. Касаткина, акцентируя внимание не на Раскольникове, которому рассказывается эта история, а на рассказчике Мармеладове, интерпретирует это место иначе. «Заметим, что для Достоевского здесь очень важна та мысль, что, при обращении к бессмертной благодати Господней в человеке, обратившийся неизменно получает *достаточную* помощь — с которой, конечно, волен далее поступить, как ему угодно — и Мармеладов относит благодатно полученное место (в виде вицмундира, символа этого места, а также и символа “брачного одеяния” из притчи о пире Господнем, которое создается для него руками и силами Сони и Катерины Ивановны) в распивочную у Египетского моста (Египет в романе тоже двойится — в данном случае — это место рабства иудеев (что подкрепляется упоминанием о сенных барках и былинками сена на платье и в волосах Мармеладова: евреи в египетском рабстве делали кирпичи, собирая для них солому), которое в христианской экзегезе толковалось как символ человеческого порабощения миру, который захвачен дьяволом)» [Касаткина, 2022, с. 59–60].

возвёл в Париже египетского храма, он хотел бы украсить столицу Франции подобным памятником...» [Лас Каз, 2010, т. 2, с. 336].

Другие упоминания Египта в романе «Преступление и наказание» также могут быть прочитаны в свете наполеоновской легенды. Перед тем, как выйти из дома для убийства Алены Ивановны (а ее роль в своей судьбе герой сравнивает со значением египетских пирамид в судьбе Наполеона), Раскольников ложится на диван и видит «всё странные такие <...> грезы: всего чаще представлялось ему, что он где-то в Африке, в Египте, в каком-то оазисе. Караван отдыхает, смиренно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают. Он же всё пьет воду, прямо из ручья, который тут же, у бока, течет и журчит. И прохладно так, и чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку... Вдруг он ясно услышал, что бьют часы. Он вздрогнул, очнулся, приподнял голову, посмотрел в окно, сообразил время и вдруг вскочил, совершенно опомнившись, как будто кто его сорвал с дивана» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 56].

Герой здесь на мгновение видит, что у него может быть и совсем другая, настоящая жизнь и *другой* Египет, не связанный с теми мирскими славой и властью, которые добываются исключительно через обман, насилие и убийство. Это видение Раскольникова о Египте рифмуется в романе с оценкой, которую Свидригайлов дает его сестре: «Знаете, мне всегда было жаль, с самого начала, что судьба не дала родиться вашей сестре во втором или третьем столетии нашей эры, где-нибудь дочерью владетельного князька или там какого-нибудь правителя, или проконсула в Малой Азии. Она, без сомнения, была бы одна из тех, которые претерпели мученичество, и уж, конечно бы, улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленными щипцами. Она бы пошла на это нарочно сама, а в четвертом и в пятом веках ушла бы в Египетскую пустыню и жила бы там тридцать лет, питаясь кореньями, восторгами и видениями. Сама она только того и жаждет, и требует, чтобы за кого-нибудь какую-нибудь муку поскорее принять, а не дай ей этой муки, так она, пожалуй, и в окно выскочит» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 365].

Этот *другой* Египет, в котором аскеты и мученики первых веков христианства искали жизнь вечную, лишь на первый взгляд не имеет никакого отношения к Наполеону. Дело в том, что, став правителем Франции и заключив в 1801 году Конкордат с папой римским Пием

VII (1742–1823), Наполеон столкнулся с проблемой отсутствия среди католических святых своего небесного покровителя — святого Наполеона. Проблема была решена просто: в анналах истории был быстро найден некий христианский подвижник Неополь, замученный в Александрии Египетской во время жестоких гонений на христиан в начале IV века при римских императорах-соправителях Диоклетиане и Максимиане, — его-то и сделали новым католическим святым Наполеоном [Légende Céleste, 1846, p. 244–245]. Праздник в честь Святого Наполеона был приурочен ко дню рождения Наполеона I и отмечался каждое 15 августа в период Первой и Второй империй. Об этих праздниках неоднократно писала русская пресса [Русское слово, 1863, отдел III, с. 1–2].

О святом Наполеоне Достоевский мог прочесть в «Жизни Наполеона Бонапарте» Вальтера Скотта¹⁵ [Скотт, 1831, с. 9–10], «Истории Наполеона» Н.А. Полевого [Полевой, 1844–1848, т. 2, с. 263–264] или в других источниках. Важно, что образ Наполеона в Египте сам по себе является амбивалентным, и герой Достоевского мог выбрать для себя либо путь французского полководца Наполеона Великого, утверждающего свою власть грубой силой и политической хитростью, либо его святого покровителя Наполеона Святого, который предпочел сам погибнуть от мучений ради жизни вечной во Христе.

Казанский собор и икона Казанской Божией Матери

Упоминание в романе «Преступление и наказание» иконы Казанской Божией Матери, которая стояла в спальне матери Раскольниковова и перед которой молилась Дуня, решаясь на брак с Лужиным [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 35], также можно рассмотреть в связи с наполеоновской темой. Один из самых известных списков этой чудотворной иконы — Санкт-Петербургская Казанская икона — хранился в то время в Казанском соборе Петербурга, который символизировал победу России над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года. Сам Казанский собор был спроектирован с оглядкой на лучшие образцы французской архитектуры: «Наряду с известным сходством с собором св. Петра в Риме, Воронихин использовал форму разомкнутого полукруглого двора Французской

¹⁵ О возможном влиянии этой книги на Достоевского писала Э.М. Жиликова [Жиликова, 2012].

Академии и барочный купол церкви Дома Инвалидов¹⁶ в Париже, а также редкий ордер (коринфский канеллированный) колоннады храма в Ниме» [Жерихина, 2015, с. 264].

Перед Казанской иконой с усердием молился назначенный главнокомандующим М.И. Голенищев-Кутузов (1745–1813)¹⁷, отправляясь к армии, отступающей под натиском полчищ Наполеона вглубь страны. «11 августа [1812 г.] с утра он выстоял на коленях молебен в Казанском соборе при большом стечении горожан (которые бурно его приветствовали), возложил на себя из рук протоиерея Иоанна [Сырохнова] образ Казанской Божьей Матери и в тот же день отбыл к армии» [Троицкий, 2003, с. 156]. Ф.М. Синельников в «Жизни фельдмаршала Кутузова» (1813–1814) уточняет, что речь идет о «святой иконе Казанской Божией Матери, в малом медальоне, украшенном золотою ризою» [Синельников, 2007, с. 207]. После победы в Отечественной войне Казанский собор принял на хранение военные трофеи, а в 1813 году в нём было захоронено тело почившего фельдмаршала Кутузова.

25 декабря 1837 года в ознаменование двадцать пятой годовщины победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года возле Казанского собора были торжественно открыты отлитые из бронзы памятники (скульптор Б.И. Орловский) выдающимся полководцам, в разное время выполнявшим роль главнокомандующих русской армии: М.И. Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли (1761–1818). Как отмечает Б.Н. Тихомиров, «Достоевский вполне мог быть очевидцем этого события, вызвавшего повышенный интерес всех столичных жителей. К этому времени они с братом Михаилом уже семь месяцев как жили в Петербурге. Совсем недавно успешно сдав вступительные экзамены, Достоевский поступил в Главное инженерное

¹⁶ 15 июля 1804 года в церкви Дома Инвалидов уже объявленный императором, но еще не коронованный Наполеон I вручал офицерам самые первые ордена Почётного легиона. А в 1840 году в этой церкви был установлен саркофаг с останками Наполеона I, перевезенными с острова Святой Елены.

¹⁷ В романе «Братья Карамазовы» (1879–1880) Достоевский противопоставляет Кутузова (такой фамилией наделен слуга Федора Павловича — старик Григорий [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 85]) и почитателя Наполеона лакея Смердякова [Подосокорский, 2007а, с. 101], сожалеющего о поражении Наполеона в войне 1812 года: «В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 205]. Старику Кутузову было поручено воспитание Смердякова, но воспитание это оказалось крайне неудачным.

училище, но еще не перебрался в Инженерный замок, а продолжал вместе с братом жить в пансионе К.Ф. Костомарова на Лиговке, куда отец поместил их для подготовки к экзаменам в мае 1837 г. Можно с большой долей вероятности предположить, что их наставник, капитан Костомаров, должен был повести своих питомцев, будущих военных инженеров, на Невский, к Казанскому собору, чтобы собственными глазами увидеть это торжество» [Тихомиров, 2022, с. 180–181].

Вероятно, что когда титулярный советник Мармеладов говорит Раскольникову о Петербурге как о «великолепной и украшенной многочисленными памятниками столице» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 16], он имеет в виду, в том числе, и эти монументы. Ведь основное «действие романа разворачивается в Казанской части Петербурга, названной так по Казанскому собору – месту нахождения чудотворной Казанской иконы Божией Матери, почитаемой как покровительница Петербурга» [Тихомиров, 2016, с. 118].

Икона Казанской Божией Матери для русских людей XIX века живо напоминала о духовной помощи в борьбе с Наполеоном и его воинством. Молящиеся перед этим образом мать Раскольникова и Дуня [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 35], очевидно, внесли свою лепту в победу их сына и брата над его внутренним Наполеоном. Неслучайно и то, что чтение Раскольниковым письма из дома происходит, как вычислил Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2016, с. 118], 8 июля, то есть как раз в день праздника в честь Явления этой чудотворной иконы.

**«Нет, на таких людях, видно, не тело, а бронза!»:
Александровская и Вандомская колонны**

По удивительному совпадению, приятель Раскольникова – Дмитрий Разумихин, заменивший его сестре Дуне прежнего жениха, Петра Лужина, является однофамильцем петербургского рисовальщика Петра Разумихина (1812–1848), родившегося в 1812 году и известного своими литографиями на исторические темы [Подробный словарь, 1895, с. 550], – в частности, он запечатлел торжественную церемонию открытия памятника императору Александру I (Александровской колонны) 30 августа 1834 года. Эта колонна должна была прославлять победу России над воинством Наполеона. В романе же Разумихин пытается спасти друга от

поглощающего его душу наполеонизма. «Этот человек за меня на распятие пойдет» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 189], — говорит сам себе о Разумихине Раскольников.

Илл. 2. П.И. Разумихин. Памятник Александру I. 1834
Fig. 2. P.I. Razumikhin. Monument to Alexander I. 1834

Александровская колонна была создана архитектором французского происхождения Огюстом Монферраном (1786–1858), участником наполеоновских войн на стороне Франции [Ротач, 1990, с. 11]. Анри Луи Огюст Леже Рикар (настоящее имя Монферрана) служил в наполеоновской армии с 1806 года, получил ранение в голову и бедро; был вновь призван на службу в 1813 году и даже получил за военное отличие крест Почетного легиона. В 1814 году в оккупированном союзными войсками Париже он «преподнес императору Александру I роскошный альбом своих проектов памятников и сооружений, названный “Разные архитектурные проекты, представленные и посвященные Его Величеству Императору Всероссийскому Александру I Августом Монферраном, членом Французской Академии архитектуры. Париж. Апрель 1814”» [Жерихина, 2015, с. 429]. Во время *Ста дней* правления Наполеона в 1815 году Монферран отказался вернуться на службу, и в июле 1816 года переехал в Петербург, где и прославился своими архитектурными

творениями. При этом он не забывал и об императоре Наполеоне, и в кабинете своего особняка на Мойке «имел превосходный бюст его... и, сверх того, четыре современные литографии, изображавшие некоторые битвы империи» [Антонов, 2010, с. 69].

Спроектированная Монферраном Александровская колонна изначально задумывалась как символ превосходства России над побежденной наполеоновской империей — родиной зодчего (сперва архитектор предложил установить на Дворцовой площади стилизованный египетский обелиск, но эта идея Николаю I не понравилась [Юркова, 2019, с. 347]). Высота Александровской колонны (47,5 м) на несколько метров превосходит Вандомскую колонну (44,3 м) в Париже¹⁸, воздвигнутую Ж.-Б. Лепером и Ж. Гондуэном по декрету Наполеона I от 1 января 1806 года в память побед, одержанных им в кампанию 1805 года (монумент был официально открыт 15 октября 1810 года).

На вершине Вандомской колонны, отлитой из нескольких сотен российских и австрийских пушек¹⁹, захваченных французами в триумфальной для них битве под Аустерлицем 1805 года, была установлена статуя самого Наполеона, «представленного в римском одеянии цезарей и со сферой земного шара в руках (первоначально фигура задумывалась обнаженной, но это несколько смутило заказчика)» [Турчин, 2007, с. 225]; на вершине же Александровской колонны — статуя Ангела с крестом, попирающего змею (скульптор — всё тот же Б.И. Орловский, создавший статуи Кутузова и Барклай де Толли у Казанского собора). Лицу ангела были приданы черты внешнего сходства с Александром I, имевшим прозвище «Ангел» [Мельгунов, 2010, с. 22, 24, 41, 47, 259]. Проект петербургской колонны имел и свою предысторию: еще в 1814 году, когда войска союзников заняли Париж, во французской столице шли разговоры о том, чтобы заменить статую Наполеона на Вандомской колонне «аллегорией мира, наделенной чертами Александра I» [Фюрекс, 2022, с. 223]. Получается, что в измененном виде этот замысел спустя двадцать лет был всё же реализован, но не в Париже, а в Петербурге²⁰.

¹⁸ При этом высота статуи Ангела на Александровской колонне «была на 40 сантиметров выше фигуры Наполеона на Вандомской колонне» [Гайдамак, 2006, с. 16].

¹⁹ Называются цифры в 600 использованных орудий, а то и вдвое больше [Турчин, 2007, с. 224].

²⁰ Е.И. Жерихина отмечает, что Наполеон также собирался установить подобную триумфальную колонну в захваченной им Москве [Жерихина, 2015, с. 133].

Параллелизм двух этих колонн прекрасно сознавался современниками. Так, В.А. Жуковский, как душеприказчик А.С. Пушкина, при публикации найденного в рукописи пушкинского стихотворения «Памятник» заменил в нем из цензурных соображений в строках:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа,

«Александрийский столп» — «Наполеоновым» (т.е. Вандомской колонной). Очевидно, такое самовозвеличение поэта над российским самодержцем (впрочем, оправданное историей) казалось тогда и вызывающим, и опасным. Как отмечает Б.Н. Тихомиров, «при жизни Достоевского именно так эта строчка и печаталась во всех изданиях поэта» [Тихомиров, 2022, с. 18]. Более того, на этапе проектирования Александрийского столпа, согласно легенде, Николай I указал скульптору Орловскому, что «голова змеи, попранной крестом ангела, должна иметь сходство с лицом Наполеона» [Синдаловский, 1997, с. 214].

Литераторы 1840-х годов не раз обращались к Александровской колонне, как к символу Петербурга. Критик С.П. Шевырев (1806–1864) в статье «Взгляд на современное направление русской литературы (Вместо предисловия ко второму году “Москвитянина”» (1842), вызвавшей резкую отповедь В.Г. Белинского, предлагал взлететь мыслью на вершину Александровской колонны, чтобы оттуда осмотреть «чудо-город» Петербург и увидеть «безобразную кучу, вроде муравьиной», «мир пигмеев», представляющий собой «самую деятельную сторону современной русской литературы» [Шевырев, 2022, с. 467–468].

Статья эта не была забыта, и в середине 1850-х годов к шевыревскому образу «муравьиной кучи», которая становится заметна лишь с высоты Александровской колонны, вернулся Н.Г. Чернышевский (1828–1889). В «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855–1856) он возмущается сравнением передовых петербургских журналистов и писателей той поры с насекомыми (в статье Шевырева речь идет не только о муравьях, но и о саранче), указывая на неуместность подобных аллегорий [Чернышевский, 1939–1953, т. 3, с. 94–95].

В «Преступлении и наказании» Раскольников также смотрит на остальных людей, населяющих Петербург, как бы с большой вы-

соты, и они оттуда видятся ему насекомыми. Старуху-процентщицу он неоднократно называет «вошью» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 320, 400], полагая, что именно так и должен смотреть Наполеон на простых людей: «И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ль я право власть иметь? — то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? — то, стало быть, уж не вошь человек *для меня*, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? — так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... <...> Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или *право имею...*» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321–322].

Наполеонизм героя в целом определяет его взгляд на остальных, как на незначительных насекомых: «Что делать? Сломать, что надо, раз навсегда, да и только: и страдание взять на себя! Что? Не понимаешь? После поймешь... Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! Помни это! Это мое тебе напутствие!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 253].

Показательно, что перед тем, как впрямую назвать Раскольникова убийцей, следователь Порфирий Петрович сравнивает его с «бледным ангелом», который «как с горы упал или с колокольни слетел» на фоне «книжных мечтаний» и чтения цитат об освежающем эффекте кровопролития: «Нет, батюшка Родион Романыч, тут не Миколка! Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитруется фраза²¹, что кровь “освежает”; когда вся жизнь

²¹ Комментаторы полного собрания сочинений Достоевского в 35 томах полагают, что здесь Порфирий имеет в виду газетную заметку, «в которой содержались следующие сведения о Наполеоне, основанные на вышедшем в свет очередном томе его переписки и на показаниях его врача: “...Наполеону нужно было не завоевание, а собственно война, как средство возбуждения, как опьянение <...> Кровообращение у Наполеона было неправильно и крайне медленно <...> Только среди войны он чувствовал себя хорошо, пульс его начинал биться ровно и с нормальной скоростью”; и далее: “Автор находит в этом отношении сходство между Наполеоном и Цезарем; он видит в Цезаре ту же потребность в постоянном самовозбуждении войною...” (Поль Леон [Полонский Л.А.]. Заграничная хроника // Г. 1865. 7 (19) апреля, № 95. С. 1)» [Достоевский, 2013 – , т. 7, с. 731].

проповедуется в комфорте. Тут книжные мечты-с, тут теоретически раздраженное сердце; тут видна решимость на первый шаг, но решимость особого рода, — **решился, да как с горы упал или с колокольни слетел**, да и на преступление-то словно не своими ногами пришел. Дверь за собой забыл притворить, а убил, двух убил, по теории. Убил, да и денег взять не сумел, а что успел захватить, то под камень снес. Мало было ему, что муку вынес, когда за дверью сидел, а в дверь ломились и колокольчик звонил, — нет, он потом уж на пустую квартиру, в полубреде, припомнить этот колокольчик идет, холоду спинного опять испытать потребовалось... Ну да это, положим, в болезни, а то вот еще: убил, да за честного человека себя почитает, людей презирает, **бледным ангелом ходит**, — нет, уж какой тут Миколка, голубчик Родион Романыч, тут не Миколка!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 348].

Достоевский нигде не упоминает Александровскую колонну специально, но она, несомненно, в силу своего уникального архитектурного и символического значения, как «высотная доминанта обширного комплекса центральных площадей» [Рязанцев, 2011, с. 264], является для него привычной и неотъемлемой частью петербургской величественной панорамы, воспетой им еще в «Петербургской летописи» (1847), где говорится о «мраморах, барельефах, статуях, колоннах» сердитого города [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 16].

Раскольников во второй главе второй части «Преступления и наказания», идущий от Разумихина, живущего в доме на набережной Малой Невы, на Васильевском острове²² [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 87], останавливается на Николаевском мосту (в 1850–1855 годах и с 2007 года — Благовещенский мост) через Неву и наблюдает «великолепную панораму» имперского Петербурга, немыслимую без Александровской колонны, возвышающейся над Зимним дворцом. Однако в этой точке герой устремляет взгляд

²² В романе Ф.М. Достоевского «Идиот» (1868) другой молодой герой-наполеонист Ипполит Терентьев также отправляется на Васильевский остров к своему «товарищу» Бахмутову, чтобы попросить его об услуге. Между ними происходит следующий обмен фразами: «Но как это вам, Терентьев, вздумалось все-таки ко мне обратиться?»

— От вашего дяди тут так много зависит, и притом мы, Бахмутов, всегда были врагами, а так как вы человек благородный, то я подумал, что вы врагу не откажете, — прибавил я с иронией.

— Как Наполеон обратился к Англии! — вскричал он захохотав. — Сделаю, сделаю! Сейчас даже пойду, если можно! — прибавил он поспешно, видя, что я серьезно и строго встаю со стула» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 334].

на кафедральный Исаакиевский собор, построенный в 1818–1858 годах по проекту того же отставного наполеоновского офицера, архитектора на русской службе, француза Огюста Монферрана, который ранее возвел Александровскую колонну: «Он зажал двугривенный в руку, прошел шагов десять и оборотился лицом к Неве, по направлению дворца. Небо было без малейшего облачка, а вода почти голубая, что на Неве так редко бывает. Купол собора, который ни с какой точки не обрисовывается лучше, как смотря на него отсюда, с моста, не доходя шагов двадцать до часовни, так и сиял, и сквозь чистый воздух можно было отчетливо разглядеть даже каждое его украшение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 89–90].

Для Родиона Раскольникова, надо это особо подчеркнуть, образы Наполеона и других великих людей, которым «всё разрешается», кристаллизуются в виде соответствующих городских памятников, кумиров: «Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса **ставит казненных на пьедестал и им поклоняется** (более или менее)» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200]. И далее: «Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделяется каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, **ставят кумиры**, — а стало быть, и *всё* разрешается. Нет, **на таких людях, видно, не тело, а бронза!**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211].

В этом потоке мыслей героя содержится сразу несколько отсылок как к известным литературным текстам, так и к знаменитым вещественным памятникам. Прежде всего, стоит вспомнить пушкинскую оду «Наполеон» (1821), в которой поэт связал формирование самоощущения Наполеона как потенциального властелина именно с тем, что он наблюдал крушение прежнего *кумира* восставшим народом:

Когда надеждой озаренный
От рабства пробудился мир,
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир;

Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал,
И день великий, неизбежный —
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел.
В свое погибельное счастье
Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой²³.

[Пушкин, 1950–1951, т. 2, с. 58].

В этих строках Наполеон прозревает свой чудный удел почти в древнем языческом смысле, сознавая, что сила покинула прежние низвергнутые идолы, и потому нуждается в новой форме, которую ей может дать тот, кто на это дерзнёт, то есть он сам. На острове Святой Елены французский император признался генерал-майору Монтолону: «Я не узурпировал корону. Я подобрал ее в ручье, а народ сам возложил ее мне на голову» [Платов, 2003, с. 114]. После возвращения останков Наполеона в Париж в 1840 году поэт А.С. Хомяков (1804–1860) в стихотворении «На перенесение Наполеонова праха» (1840) называет и самого французского императора «живым памятником»:

Было время, были годы —
Этот прах был бог земли:
Взглянет он — дрожат народы,
Войска движутся вдали.
А пойдет он, строгий, бледный,
Словно памятник живой —
Под его стопою медной
Содрогнется шар земной <...>

[Хомяков, 1969, с. 118].

²³ В первоначальной публикации этого стихотворения в 1826 году как раз процитированные строки были изъяты по цензурным соображениям, однако ко времени начала работы над «Преступлением и наказанием» стихотворение неоднократно публиковалось целиком, в авторском варианте [Пушкин, 1999, т. 2, кн. 2, с. 643].

Однако главная отсылка тирады Раскольникова о *властелине и кумирах* связана с самым знаменитым наполеоновским «кумиром» — Вандомской колонной (фигура Наполеона на ней, как и фигура Ангела на Александровской колонне, была выполнена из бронзы). В 1827 году в *Journal des Débats* была опубликована прославляющая этот памятник «Ода Вандомской колонне» Виктора Гюго, в которой он призывал «защитить честь отцов» [Гюго, 2001–2003, т. 12, с. 25]; а в 1830 году, когда в парижской палате депутатов обсуждался вопрос о возвращении в Париж останков Наполеона, было предложено захоронить их непосредственно под Вандомской колонной [Таньшина, 2020, с. 50].

Несмотря на то, что в период Второй империи во Франции, «в 1852–1870 годах статуи Наполеона I были установлены в Аяччо, Бастии, Гренобле, Лилле, Лионе, Наполеоне-Вандее (ныне Ла-Рошсюр-Йон), Осонне, Руане, Шербуре и проч., причем всякий раз в самом центре города» [Фюрекс, 2022, с. 48], — именно Вандомская колонна, сменяющимися от эпохи к эпохе бронзовыми статуями Наполеона на вершине, оставалась самым знаменитым его памятником, вдохновлявшим многих знаменитых писателей. Бытописатель Парижа О. де Бальзак в повести «Златоокая девушка», входящей в его «Историю тринадцати» (1834)²⁴, патетически восклицает по поводу Вандомской колонны: «Город Париж гордится своей высокой бронзовой мачтой, украшенной изображениями побед и фигурой дозорного — Наполеона» [Бальзак, 1960, т. 11, с. 283–284]. С тем, что Раскольников, рассуждающий о *людях, на которых не тело, а бронза*, имеет в виду статуи, венчающие Вандомскую колонну, согласен и Б.Н. Тихомиров [Тихомиров, 2016, с. 315].

Множественное число в высказывании Раскольникова применительно к наполеоновским монументам («кумиры», а не кумир) обусловлено сложной историей этого выдающегося памятника. После первого отречения Наполеона в 1814 году его статую на Вандомской колонне заменили на белый флаг династии Бурбонов с лилиями. Но уже через год, в апреле 1815 года, когда Наполеон

²⁴ К роману «История тринадцати» О. де Бальзака в связи с «Преступлением и наказанием» обращались и другие исследователи. В частности, рядом достоевистов высказывалось мнение (впервые Б.В. Томашевским), что, помимо очевидных библейских аллюзий, фамилия Капернаумов (так зовут портного, хозяина квартиры, где снимает комнату Соня Мармеладова) «содержит отсылку к повести О. де Бальзака “Феррагус, предводитель деворантов” (входящей в состав “Истории тринадцати)” [Тихомиров, 2016, с. 94].

вернулся к власти в т.н. период *Ста дней*, солдаты пронесли по городу бюст императора и водрузили его на вершину колонны, сопроводив церемонию иллюминациями для народа [Фюрекс, 2022, с. 226]. В 1818 году первоначальную наполеоновскую статую, снятую с колонны в 1814 году, расплавили и сделали из нее статую короля Генриха IV на Новом мосту.

В 1833 году король Луи-Филипп I, занявший престол в ходе Июльской революции, повелел сделать новую статую Наполеона и водрузить её на колонну. В 1863 году император Наполеон III, опасаясь, что высокохудожественная статуя может пострадать на открытом воздухе от неблагоприятных погодных условий, приказал снять её с колонны и выставить в Доме Инвалидов, поближе к гробнице Наполеона I, а для Вандомской колонны сделать копию. Таким образом, ко времени написания «Преступления и наказания» на Вандомской колонне успели несколько раз смениться «кумиры» Наполеона.

Показательно и то, что Раскольников говорит о возведении кумиров не по воле властелина, заинтересованного в укреплении своего культа или культа своей династии среди подданных, а как будто по решению самого общества: «В следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется; «ему же, по смерти, ставят кумиры» и проч. Сам Наполеон в беседах с Лас Казом также лукаво преуменьшал степень своего личного участия в неумеренном восхвалении своих достижений: «Много критиковали мою статую на Вандомской площади и велеречивые надписи о моем царствовании. Однако ж надобно, чтобы короли позволяли делать все по причуде художников: ведь Людовик XIV отнюдь не приказывал, чтобы поместили рабов у ног его статуи, и не требовал, чтобы Ла Фёйлад начертал на пьедестале “бессмертному Человеку”. И когда увидят где-нибудь надпись “Наполеон Великий”, то поймут, что не я сочинил эту надпись, а лишь не запрещал говорить об этом другим» [Лас Каз, 2019, с. 133].

Вечность на «аршине пространства»: герой как «живой памятник»

В своем болезненном восприятии наполеонист Раскольников порой начинает и самого себя сознавать не в качестве обычного, ранимого, смертного человека, но как *памятника*, прославленно-

го, крепкого и долговечного, хотя и максимально ограниченного в пространстве (вспомним о «застывшем или окаменевшем» Прохарчине!): «Солнце заходило. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, **предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”**. В вечерний час это ощущение обыкновенно еще сильнее начинало его мучить» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 327].

«Вечность на “аршине пространства”» — это статичное положение «кумира» человечества, на котором «не тело, а бронза», и который намертво привязан к своему символическому, монументальному образу. Для героя это осознание мертвящей вечности — продолжение его прежних размышлений о судьбе приговоренного к казни. Когда Раскольников вырывается из-под опеки Разумихина на улицу (в шестой главе второй части романа), то перед тем, как зайти в «Хрустальный дворец», где он встретит Заметова, ему неожиданно приходит в голову мысль: «Где это, — подумал Раскольников, идя далее, — где это я читал, как один приговоренный к смерти, за час до смерти, говорит или думает, что **если бы пришлось ему жить где-нибудь на высоте, на скале, и на такой узенькой площадке, чтобы только две ноги можно было поставить, — а кругом будут пропасти, океан, вечный мрак, вечное уединение и вечная буря**, — и оставаться так, стоя на аршине пространства, всю жизнь, тысячу лет, вечность, — то лучше так жить, чем сейчас умирать!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 123].

Исследователи (Г.Ф. Коган, Н.Д. Тамарченко, Б.Н. Тихомиров) усматривали в этом «воспоминании» героя аллюзии на «Собор Парижской Богоматери» и «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго, а также на «Мельмота Скитальца» Ч. Метьюрина [Тихомиров, 2016, с. 232–233], однако, здесь есть и определенные указания на наполеоновскую легенду, творцами которой сосланный на остров Святой Елены Наполеон предстал в образе мученика, приговоренного к медленной казни на клочке земли посреди океана. Формироваться этот образ стал еще во время первой ссылки Наполеона на остров Эльба. Так, А.С. Пушкин в юношеском стихотворении «Наполеон на Эльбе» (1815) рисует в своем воображении портрет коварного преступника-злодея, который сидит посреди

бури над дикой скалой, а вокруг него бушует океан, разверста бездна, все покрывает мрак и царит могильное молчание:

Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.

<...>

«Вокруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой
Я здесь один, мятежной думы полн...»

<...>

Простерлась тишина над бездною седою,
Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Все смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

[Пушкин, 1999 – , с. 106–108].

Вторая и последняя ссылка Наполеона лишь усилила подобную фантастическую мрачную картину угасания «великого изгнанника вселенной». Как пишет Л.И. Вольперт, «Святая Елена, завершившая сюжет жизни Бонапарта, превращается в образ не менее впечатляющий, чем плаха Марии Стюарт, кинжал Шарлоты Корде или лихорадка в Миссолонги, сразившая Байрона. Став в мифологизированном сознании своеобразной “скалой Прометея” или “Голгофой Христа”, она осенила Наполеона ореолом мученичества» [Вольперт, 1990].

Поэты-романтики очень охотно обращались к образу Наполеона на Святой Елене, и зачастую в их стихах присутствуют скалы, буря, мрак, океан и одиночество героя. Чтобы не перегружать текст многочисленными примерами, процитирую здесь лишь два небольших характерных фрагмента из стихотворений русских поэтов. Ф.Н. Глинка в «Судьбе Наполеона» (1821) писал:

Гремящих полчищ повелитель,
Перун и гибель на боях,
Один – утесов диких житель,
Как дух пустынный на холмах...
Летят в пределы отдаленны

Надеждой флоты окриленны,
Все мимо – и никто за ним;
Как страшно самому с самим!
В душе, как в море, мрак и волны...
[Глинка, 1986, с. 32].

Похожую картину создает и М.Ю. Лермонтов в «Последнем новоселье» (1841):

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой скале, за синими морями,
Забытый, он угас один <...>
[Лермонтов, 2014, т. 1, с. 341]

Раскольников, излагая Порфирию свою теорию о великих людях, специально отмечает, что почти всегда признание их заслуг и значения массой происходит только после того, как их казнят, да и то спустя некоторое время: «Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее)» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 200].

Пытаясь отсрочить собственную казнь, ассоциирующуюся в его фантазии с «аршином пространства», герой провозглашает царство рассудка, света, воли и силы, в котором идейные принципы французских просветителей соединены с практическими заветами Наполеона, любившего рассуждать о воле и силе как о главных двигателях человеческой судьбы: «Довольно! – произнес он решительно и торжественно, – прочь миражи, прочь напускные страхи, прочь привидения!.. Есть жизнь! Разве я сейчас не жил? Не умерла еще моя жизнь вместе с старою старухой! Царство ей небесное и – довольно, матушка, пора на покой! Царство рассудка и света теперь и... и воли, и силы... и посмотрим теперь! Померяемся теперь! – прибавил он заносчиво, как бы обращаясь к какой-то темной силе и вызывая ее. – А ведь я уже соглашался жить на аршине пространства!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 147].

Петербург как наполеоновский Париж

В петербургской литературе 1830–1860-х годов Париж нередко выступал образцом для обустройства жизни в российской столице. Так, к примеру, писатель И.С. Генслер (1820–1873) в сборнике «физиологических» очерков «Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года» (1860), посвященном быту населения этого исторического района Петербурга, иронически призывает публициста, автора популярных юридических книг Л.Л. Камбека составить нечто вроде наполеоновского уголовного кодекса «для нашего сословия» [Генслер, 1904, с. 17].

Н.П. Анциферов отмечает, что Петербург Достоевского можно раскрыть только с учетом образов Парижа из «Человеческой комедии» О. де Бальзака [Анциферов, 2009, с. 35]. Выше я уже обращался к зарисовкам Парижа Бальзака, но здесь отмечу еще несколько черт «наполеоновского» Петербурга, связанных с наполеоновским Парижем. Пытаясь стать новым властелином, Родион Раскольников мнит себя и преобразователем внешнего вида города. Отправляясь на убийство старухи, которое в его картине мира означает именно становление нового петербургского Наполеона (недаром он признается Соне: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318]), герой ощущает потребность внести необходимые изменения в ландшафт российской столицы. «Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на всё Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно, во всех больших городах, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно склонен жить и селиться именно в таких частях города, где нет ни садов, ни фонтанов, где грязь и вонь, и всякая гадость» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 60].

Здесь Раскольников также мыслит вполне в духе Наполеона, значительно преобразившего столицу Франции в период своего правления. Историк А. Тьер отмечает: «Занимаясь великими работами, Наполеон никогда не забывал о Париже, месте своего пребывания, центре правительства, его любимом городе, столице, олицетворявшей собой величие и моральное превосходство Фран-

ции над всеми нациями. Он поклялся покрыть столицу памятниками искусства и общественной значимости, оздоровить ее и придать ей всё мыслимое великолепие. Уже работали круглосуточно тридцать фонтанов, которые прежде давали воду лишь по несколько часов в день. Сооружение канала Урк позволяло непрерывно подавать воду в другие старые и новые фонтаны» [Тьер, 2013-2014, т. 2, с. 44].

Как пишет А.Ю. Иванов в книге «Повседневная жизнь французов при Наполеоне»: «Кроме мостов, строились акведуки и фонтаны. Прокладывались тротуары. Приняты меры против грязи, вони, езды без правил. Улицы более не загромождаются ломовыми телегами и разными выставками, грязнившими тротуары и собиравшими зевак» [Иванов, 2006, с. 172]. Также в начале XIX века были восстановлены и обновлены парижские сады [Робике, 2012, с. 173]. Жюль Берто подытоживает: «Время не позволило ему (Наполеону) завершить все, что он начал, но он оставил после себя замечательные планы и строительные площадки. Во времена своего правления он положил много сил на украшение города, его восстановление и укрепление, оздоровление городского хозяйства, на то, чтобы сделать жизнь в нем более веселой: он принял столицу разваливающейся, а оставил ее расцветающей» [Комбо, 2002, с. 72]. Сам Наполеон, впрочем, остроумно замечал по этому поводу: «Для того, чтобы сделать Париж красивым, нужно больше разрушать, чем строить» [Платов, 2003, с. 644].

В «Преступлении и наказании» наполеоновский Париж (разумеется, не только Париж Наполеона I, но и Париж Наполеона III, при котором французская столица была «огромной строительной площадкой» [Норвич, 2020, с. 379]) является одним из главных городов, простирающихся, прорывающихся через строения, улицы и сам быт Петербурга. И это прослеживается отнюдь не только через монологи и признания наполеониста Раскольниково о властелине, который «делает резню в Париже», но и, к примеру, через второго главного героя романа — Аркадия Ивановича Свидригайлова. Когда он навещал свою юную «невесту», то ее «сердобольная и благоразумная» мать обычно начинала разговор «любопытнейшими и почти жадными вопросами о Париже и о тамошней придворной жизни и разве потом уже доходила по порядку и до Третьей линии Васильевского острова» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 386]. О Париже, где «уже происходили серьезные опыты относительно возможности излечивать сумасшедших, действуя одним только

логическим убеждением» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 325], вспоминает и Лебезятников. Эти постоянные переходы от Парижа к Петербургу и обратно пронизывают весь роман, хотя и не всегда они проговариваются настолько прямо.

Заключение

«Наполеоновский» Петербург — это лишь часть Петербурга Достоевского, но очень значимая и специфическая его часть, без учета и анализа которой совершенно невозможно понять масштаб и всю сложность присутствия наполеоновского мифа в ряде произведений писателя, из которых наиболее репрезентативным и выдающимся в данном случае является роман «Преступление и наказание». Наполеоновская идея Раскольникова, несомненно, кристаллизовалась при помощи и на фоне петербургских реалий, в которых на разных уровнях были представлены имя, образ и история Наполеона.

Огромное влияние наполеоновского мифа на жизнь Петербурга от самого начала XIX века и до конца 1860-х годов сопоставимо разве что с влиянием петровского мифа на город в XVIII — первой трети XIX века. В силу необходимости я ограничил рамки своего исследования лишь временем пребывания Достоевского в Петербурге до создания им «Преступления и наказания», не касаясь без особой нужды предшествующей, пушкинской эпохи (если только это не требовалось для более обстоятельного комментария к текстам Достоевского).

По мнению В.Н. Топорова, именно Достоевский «свел воедино в своем варианте Петербургского текста свое и чужое» и является «первым сознательным строителем Петербургского текста как такового» [Топоров, 2003, с. 25]. Я попробовал раскрыть этот тезис Топорова на примере «наполеоновского» Петербурга. В следующем крупном романе Достоевского «Идиот» (1868) было продолжено художественное решение этой проблемы, но ее исследование уже выходит за рамки одной статьи.

Список литературы

1. Адресная книга, 1861 — Адресная и справочная книга для купцов. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1861. 390 с.
2. Альманах, 1838 — Альманах на 1838 год. СПб.: Военная тип., 1838. 352 с.
3. Альтман, 1975 — *Альтман М.С.* Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
4. Антонов, 2002 — *Антонов Б.И.* Мосты Санкт-Петербурга. СПб.: Глагол, 2002. 192 с.
5. Антонов, 2010 — *Антонов В.В.* Петербург. Новое о старом. М.: Центрполиграф, 2010. 413 с.
6. Анциферов, 1923 — *Анциферов Н.П.* Петербург Достоевского. Петербург: Изд-во «Брокгауз-Ефрон», 1923. 106 с.
7. Анциферов, 2009 — *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 584 с.
8. Бальзак, 1960 — *Бальзак О. де.* Собр. соч.: в 24 т. / сост. Д.Д. Обломиевский. М.: Правда, 1960.
9. Белинский, 1953–1959 — *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
10. Белов, 2001 — *Белов С.В.* Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение»: в 2 т. СПб.: Алетейя, Российская национальная библиотека, 2001.
11. Бенедиктов, 1939 — *Бенедиктов В.Г.* Стихотворения / вступит. ст., ред. и прим. Л.Я. Гинзбург. Л.: Советский писатель, 1939. 336 с.
12. Библиотека Достоевского, 2005 — Библиотека Ф.М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание / отв. ред. Н.Ф. Буданова. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
13. Блистательный Петербург, 2008 — Блистательный Петербург (Три века северной столицы России). История Санкт-Петербурга первой половины XIX века. М.: Рубежи XXI, 2008. 688 с.
14. Боборыкина, 2022 — *Боборыкина Т.А.* «Преступление и наказание»: хореография текста и текст хореографии // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 3 (19). С. 48–77.
15. Бурнашев, 2022 — *Бурнашев В.П.* Воспоминания петербургского старожила: в 2 т. / сост., предисл. коммент. и аннотированного указ. имен А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
16. Бурьянов, 1838 — *Бурьянов В.* Прогулка с детьми по С. Петербургу и его окрестностям: в 3 ч. СПб.: Тип. Главного Управления путей сообщения и публичных зданий, В Гуттенберговой тип., 1838.
17. Бутков, 1845–1846 — *Бутков Я.П.* Петербургские вершины: в 2 кн. СПб.: Тип. Н. Греча, 1845–1846.
18. Бутков, 1848 — *Бутков Я.П.* Новый год. Вчерашняя история // Отечественные записки. Учено-литературный журнал, издаваемый Андреем Краевским. СПб.: Тип. И. Глазунова и Комп., 1848. Т. LVI. Отд. I. Словесность. С. 209–230.

19. Бутков, 1967 — *Бутков Я.П.* Повести и рассказы / подгот. текста, вступ. ст. и прим. Б.С. Мейлаха. М.: Худож. лит., 1967. 400 с.
20. Весь Петербург, 1851 — *Весь Петербург* в кармане. Справочная книга для столичных жителей и приезжих, с планами Санкт-Петербурга и четырех театров, составленная Алексеем Гречем. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Тип. Н. Греча, 1851. 630 с.
21. Вилинбахов, 2003 — *Вилинбахов Г.В.* Санкт-Петербург — военная столица // Париж — Санкт-Петербург. 1800–1830. Когда Россия говорила по-французски... Каталог выставки. М.: Интеррос, 2003. С. 20–25.
22. Виноградов, 2006 — *Виноградов В.Н.* Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 182–209.
23. Вольперт, 1990 — *Вольперт Л.И.* Наполеоновский «миф» у Пушкина и Стендаля // Пушкинские чтения: Сборник статей / сост. С.Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 88–107.
24. Врангель, 2003 — *Врангель Н.Е.* Воспоминания: От крепостного права до большевиков / вступ. ст., коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 512 с.
25. Время, 1861 — *Время.* Журнал литературный и политический. 1861. Декабрь. 596 с.
26. Гайдамак, 2006 — *Гайдамак А.* Русский ампиризм. М.: Трилистник, 2006. 168 с.
27. Глинка, 1986 — *Глинка Ф.Н.* Сочинения / сост., послесл. и коммент. В.И. Карпеца. М.: Сов. Россия, 1986. 352 с.
28. Гоголь, 2012 — *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. и писем: в 23 т. М.: Наука, 2012. Т. 7. Кн. 1. 806 с.
29. Гончаров, 1998 — *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. СПб.: Наука, 1998. Т. 4: Обломов: роман в четырех частях / текст подгот. Т.И. Орнатская; ред. В.А. Туниманов. 494 с.
30. Григорьев, 1990 — *Григорьев А.А.* Сочинения: в 2 т. / вступ. статья Б. Егорова; сост. и коммент. Б. Егорова и А. Осповата. М.: Худож. лит., 1990.
31. Генслер, 1904 — *Генслер И.С.* Гаваньские чиновники в домашнем быту, или Галерная гавань во всякое время дня и года. Пейзаж и жанр. СПб.: Изд. В.И. Губинского, 1904. 249 с.
32. Гюго, 2001–2003 — *Гюго В.* Собр. соч.: в 14 т. / пер. с франц. М.: Terra — Книжный клуб, 2001–2003.
33. Длуголенский, 2005 — *Длуголенский Я.Н.* Век Достоевского. Панорама столичной жизни. Книга 1. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2005. 280 с.
34. Дмитриев, 1998 — *Дмитриев М.А.* Главы из воспоминаний моей жизни / подгот. текста и прим. К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой и Т.Ф. Нешумовой; вступит. ст. К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 752 с.
35. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
36. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).
37. Егер, 1997–1999 — *Егер О.* Всемирная история: в 4 т. СПб.: Специальная Литература; Полигон, 1997–1999.
38. Жерихина, 2015 — *Жерихина Е.И.* Французский мир Санкт-Петербурга. СПб.: Росток, 2015. 608 с.

39. Жиякова, 2012 — *Жиякова Э.М.* Ф.М. Достоевский и Вальтер Скотт (к вопросу о наполеоновском мифе) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 44–56.
40. Зотов, 1857 — *Зотов Р.М.* Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I: в 2 ч. СПб.: Тип. Юлиуса Штауфа, 1857.
41. Зотов, 1859 — *Зотов Р.М.* Театральные воспоминания. Автобиографические записки. СПб.: Тип. Я. Ионсона, 1859. 117 с.
42. Зотов, 1890 — *Зотов В.Р.* Петербург в сороковых годах. (Выдержки из автобиографических заметок) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1890. Январь. С. 29–53.
43. Иванов, 2006 — *Иванов А.Ю.* Повседневная жизнь французов при Наполеоне / вступ. ст. А.П. Левандовского. М.: Молодая гвардия, 2006. 351 с.
44. История XIX века, 1938–1939 — История XIX века: в 8 т. / под ред. проф. Лависса и Рамбо; пер. с франц. 2-е изд. испр. и доп. / под ред. проф. Е.В. Тарле. М.: ОГИЗ Гос. социально-экономическое изд-во, 1938–1939.
45. Каргашов, 2007 — *Каргашов В.С.* Студенческие годы М.А. Достоевского // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. (Серия «Труды ГИМ»). М.: Гос. историч. музей, 2007. Т. 6: Сборник материалов. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Вып. 166. С. 200–203.
46. Касаткина, 2022 — *Касаткина Т.А.* «Преступление и наказание»: как создается глубокий текст // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 1 (17). С. 52–62.
47. Кони, 1966–1969 — *Кони А.Ф.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Юридическая литература, 1966–1969.
48. Крестовский, 1990 — *Крестовский В.В.* Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных: Роман в 6 ч. / общ. ред. и вступ. ст. И.В. Скачкова. М.: Правда, 1990.
49. Комбо, 2002 — *Комбо И.* История Парижа. М.: Весь Мир, 2002. 176 с.
50. Кулаков, 2007 — *Кулаков В.А.* Египетский стиль // Большая российская энциклопедия: в 35 т. М.: Научное изд-во Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 9. С. 610.
51. Куриев, 2020 — *Куриев М.М.* Это Н. М.: У Никитских ворот, 2020. 592 с.
52. Лас Каз, 2010 — *Лас-Каз граф.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. / пер. Л.Н. Зайцева; илл. Н. Шарле, О. Верне и др. М.: Захаров, 2010.
53. Лас-Каз, 2019 — *Лас-Каз Э.О.Д.М.Ж. граф де.* Максимумы и мысли узника Святой Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас-Каза [билингва: франц.-русс.] / изд. подгот. С.Н. Искюль. СПб.: Петрополис, 2019. 208 с.
54. Леви, 2006 — *Леви А.* Душевные качества Наполеона // Повседневная жизнь Наполеона Бонапарта: Леви А. Душевные качества Наполеона; Массон Ф. Наполеон I в придворной и домашней жизни / пер. с фр.; послесл. и коммент. В.Е. Климанова. М.: Кучково поле, 2006. С. 5–300.
55. Лермонтов, 2014 — *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: в 4 т. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014.
56. Лотман, 2005 — *Лотман Ю.М.* Сюжетное пространство русского романа

XIX столетия // *Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993)*. СПб.: Искусство – СПб, 2005. С. 712–729.

57. Людвиг, 1998 – *Людвиг Э. Наполеон* / пер. с нем. Е. Михелевич. М.: Захаров, Вагриус, 1998. 592 с.

58. Мельгунов, 2010 – *Мельгунов С.П. Александр I. Сфинкс на троне*. М.: Вече, 2010. 368 с.

59. Михайлов, 1910 – *Михайлов А.М. Как насаждалась французская культура в России* // *Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Год тридцать первый*. 1910. Ноябрь. С. 614–635.

60. Народная проза, 1992 – *Народная проза* / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. С.Н. Азбелева. М.: Русская книга, 1992. 608 с.

61. Некрасов, 1981–2000 – *Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т.* СПб.: Наука, 1981–2000.

62. Норвич, 2020 – *Норвич Дж. Краткая история Франции* / пер. с англ. О.В. Строгановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.

63. Панаев, 1912 – *Панаев И.И. Собр. соч.: в 6 т.* М.: Тип. В.М. Саблина, 1912.

64. Панаев, 1987 – *Панаев В.А. Из «Воспоминаний»* // Григорович Д.В. *Литературные воспоминания* / вступ. ст. Г. Елизаветиной; сост., подгот. текста и коммент. Г. Елизаветиной и И. Павловой. М.: Худож. лит., 1987. С. 147–272.

65. Пенская, 2012 – *Пенская Е.Н. Русский исторический роман XIX века* // *Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой* / отв. ред. А.Н. Дмитриев; нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 418–474.

66. Петербургский сборник, 1846 – *Петербургский сборник, изданный Н. Некрасовым*. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1846. 560 с.

67. Платов, 2003 – *Платов А. Так говорил Наполеон*. М.: Мир, 2003. 736 с.

68. Плещеев, 1896 – *Плещеев А.Н. Повести и рассказы: в 2 т.* / под. ред. П.В. Быкова. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1896.

69. Подосокорский, 2007а – *Подосокорский Н.Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы»* // Роман Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / под ред. Т.А. Касаткиной. М.: Наука, 2007. С. 98–114.

70. Подосокорский, 2007б – *Подосокорский Н.Н. Наполеонизм князя Мышкина* // *Литературоведческий журнал. Секция языка и литературы РАН / ИНИОН РАН*. 2007. № 21. С. 113–125.

71. Подосокорский, 2022а – *Подосокорский Н.Н. Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона* // *Достоевский и мировая культура. Филологический журнал*. 2022. № 2 (18). С. 89–143.

72. Подосокорский, 2022б – *Подосокорский Н.Н. «Наполеон вы, что ли, какой?»: «Наполеонова память» в рассказе Ф.М. Достоевского «Господин Прохарчин»* // «Меры не знал я, смертных любя»: к 90-летию российского филолога Владимира Серафимовича Вахрушева (1932–2011) / ред.-сост. Л.В. Комуцци и П.С. Глушаков. СПб.: Росток, 2022. С. 329–341.

73. *Подробный словарь, 1895 – Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв.* /

сост. Д.А. Ровинский (посмертное издание). СПб.: Печатается у комиссионеров Императорской Академии наук, 1895. 806 стб.

74. Полевой, 1844–1848 — *Полевой Н.А.* История Наполеона: в 5 т. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1844–1848.

75. Путеводитель, 1853 — Путеводитель. 60 000 адресов из Санкт-Петербурга, Царского Села, Петергофа, Гатчины и прочия. 1854: в 2 ч. СПб.: Тип. Карла Вингебера, 1853. 238 с. + 71 с.

76. Пушкирев, 1839–1842 — *Пушкарев И.* Описание Санкт-Петербурга и уездных городов С.-Петербургской губернии: в 4 ч. СПб.: Тип. С. Петербургского губернского правления, 1839–1841.

77. Пушкин, 1950–1951 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1951.

78. Пушкин, 1999 — — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999 — (издание продолжается).

79. Робики, 2012 — *Робики Ж.* Повседневная жизнь в эпоху Наполеона / пер. с франц. Е.А. Кошелевой; под ред. М.Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2012. 320 с.

80. Ротач, 1990 — *Ротач А.Л., Чеканова О.А.* Огюст Монферран. Л.: Стройиздат. Ленинградское отд., 1990. 224 с.

81. Русское слово, 1863 — Русское слово. 1863. Сентябрь. 486 с.

82. Рязанцев, 2011 — *Рязанцев И.В.* Скульптура // История русского искусства: в 22 т. М.: Северный паломник, 2011. Т. 14: Искусство первой трети XIX века. / отв. ред. Г.Ю. Стернин. С. 260–307.

83. Сенковский, 1858 — *Сенковский О.И.* Собр. соч. барона Брамбеуса: в 9 т. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1858. Т. 2. 506 с.

84. Синдаловский, 1997 — *Синдаловский Н.А.* История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб.: Норинт, 1997. 360 с.

85. Синельников, 2007 — *Синельников Ф.М.* Жизнь фельдмаршала Михаила Илларионовича Кутузова / предисл. Е.П. Абрамова; перепеч. с изд. 1813–1814 гг., с испр. СПб.: Русская симфония, 2007. 480 с.

86. Скотт, 1831 — *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов / пер. с англ. С. де Шаплет. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1831. Ч. I. 282 с.

87. Смирнов, 2003 — *Смирнов А.Ю.* Империя Наполеона III. М.: Эксмо, 2003. 288 с.

88. Таньшина, 2019 — *Таньшина Н.П.* Наполеон Бонапарт как художественный образ: формирование «наполеоновской легенды» во французской литературе эпохи романтизма // Историческая экспертиза. 2019. № 3 (20). С. 166–187.

89. Таньшина, 2020 — *Таньшина Н.П.* Наполеон Бонапарт: между историей и легендой. СПб.: Евразия, 2020. 224 с.

90. Тарле, 1957–1962 — *Тарле Е.В.* Сочинения: в 12 т. / гл. ред. А.С. Ерусалимский. М.: Изд-во АН СССР, 1957–1961.

91. Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

92. Тихомиров, 2022 — *Тихомиров Б.Н.* Достоевский. Литературные прогулки по

Невскому проспекту. От Зимнего дворца до Знаменской площади. М.: Лингвистика: Бослен, 2022. 480 с.

93. Толстой, 1935–1958 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935–1958.

94. Топоров, 2003 — *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство – СПб, 2003. 616 с.

95. Троицкий, 2003 — *Троицкий Н.А.* Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: Центр-полиграф, 2003. 367 с.

96. Турчин, 2007 — *Турчин В.С.* Французское искусство от Людовика XVI до Наполеона. М.: Жираф, 2007. 480 с.

97. Тьер, 2013–2014 — *Тьер А.* История Консульства и Империи: в 4 т. / пер. с франц. О. Вайнер. М.: Захаров, 2013–2014.

98. Федотова, 2008 — *Федотова Е.Д.* Наполеоновский ампи́р. М.: Белый город, 2008. 48 с.

99. Физиология Петербурга, 1991 — Физиология Петербурга / подгот. В.И. Кулешов. М.: Наука, 1991. 284 с.

100. Фюрекс, 2022 — *Фюрекс Э.* Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / пер. с фр. В. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

101. Хинце, 2020 — *Хинце О.* Гогенцоллерны. Путь к германскому единству. 1786–1861. СПб.: Евразия, 2020. 160 с.

102. Хомяков, 1969 — *Хомяков А.С.* Стихотворения и драмы / вступит. ст., подгот. текста и примеч. Б.Ф. Егорова. Л.: Советский писатель, 1969. 594 с.

103. Цылов, 1849 — [*Цылов*]. Городской указатель или адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т. п. на 1849 год / сост. Литейной части пристав Исполнительных дел Цылов. СПб.: Тип. Штаба отд. кор. внутренней стражи, 1849. 531 с.

104. Червяков, 1865 — [*Червяков А.П.*] Путеводитель по С.-Петербургу: с прил. прогр. всех учеб. заведений и 6 пл. Петербурга / сост. и издал А.П. Червяков. СПб.: Тип. А.П. Червякова, 1865. 466 с.

105. Чернышевский, 1939–1953 — *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Худож. лит., 1939–1953.

106. Шевырев, 2022 — *Шевырев С.П.* Полн. собр. литературно-критических трудов: в 7 т. СПб.: Росток, 2022. Т. 3. Кн. 1: 1841–1842 / под общ. ред., сост. А.Н. Николюкина; ИНИОН РАН. 740 с.

107. Шлоссер, 1868–1871 — *Шлоссер Ф.К.* История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особенно подробным изложением хода литературы Ф.К. Шлоссера, профессора истории при Гейдельбергском университете: в 8 т. / пер. с 4-го испр. изд. 2-е изд. СПб.: Издание книжного магазина Черкесова, 1868–1871.

108. Юркова, 2019 — *Юркова З.* Архитектор Модюи: идеальная столица в проектах. Петербург императора Александра I. СПб.: Крига, 2019. 448 с.

109. *Légende Céleste, 1846 — Légende Céleste. Nouvelle histoire de la Vie des Saints. Avec la*

vie de Notre-seigneur Jésus-Christ, celle de la Vierge et le Précis historique des Fêtes de l'année. Paris: J.B. Herman et Cie - Paul Mellier, 1846. Vol. 3. 382 p.

References

1. *Adresnaia i spravochnaia kniga dlia kuptsov* [Address and Reference Book for Merchants]. St. Petersburg, Printing-House of the Imperial Academy of sciences Publ., 1861. 390 p. (In Russ.)
2. *Almanakh na 1838 god* [Anthology for the Year 1838]. St. Petersburg, Military Printing-House Publ., 1838. 352 p. (In Russ.)
3. Al'tman, M.S. *Dostoevskii. Po vekham imen* [Dostoevsky. By Milestones of Names]. Saratov, Saratov University Publ., 1975. 280 p. (In Russ.)
4. Antonov, B.I. *Mosty Sankt-Peterburga* [Bridges of St. Petersburg]. St. Petersburg, Glagol Publ., 2002. 192 p. (In Russ.)
5. Antonov, V.V. *Peterburg. Novoe o starom* [Petersburg. News about Past]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2010. 413 p. (In Russ.)
6. Antsiferov, N.P. *Peterburg Dostoevskogo* [Dostoevsky's Petersburg]. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1923. 106 p. (In Russ.)
7. Antsiferov, N.P. *Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. Opyt postroyeniya obraza goroda – Peterburga Dostoyevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsii* [The Problem of Urbanism in Russian Literature. An Experience in Reconstructing the Image of a City – Dostoevsky's Petersburg – Based on the Analysis of Literary Traditions]. Ed. by D.S. Moskovskaya. Moscow, IWL RAS Publ., 2009. 584 p. (In Russ.)
8. Balzak, O. de. *Sobranie sochinenii: v 24 tomakh* [Collected Works: in 24 vols]. Comp. by D.D. Oblomievsky. Moscow, Pravda Publ., 1960. (In Russ.)
9. Belinskii, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 tomakh* [Complete Works: in 13 vols]. Moscow, USSR Academy of sciences Publ., 1953–1959. (In Russ.)
10. Belov, S.V. *Entsiklopedicheskii slovar' "F.M. Dostoevskii i ego okruzhenie": v 2 tomakh* [Reference Dictionary "Fyodor Dostoevsky and His Environment". in 2 vols]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., Russian National Library Publ., 2001. (In Russ.)
11. Benediktov, V.G. *Stikhotvoreniia* [Verses]. Introduction, redaction, and comments by L.Ia. Ginzburg. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1939. 336 p. (In Russ.)
12. Budanova, N.F., editor. *Biblioteka F.M. Dostoevskogo: Opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie* [Dostoevsky's Library: An Experiment in Reconstruction. Scientific Description]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)
13. *Blistatnyi Peterburg (Tri veka severnoi stolitsi Rossii). Istoriia Sankt-Peterburga pervoi poloviny XIX veka* [Brilliant Petersburg (Three Centuries of the Northern Capital of Russia. The History of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century)]. Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2008. 688 p. (In Russ.)
14. Boborykina, T.A. "‘Prestuplenie i nakazanie’: khoreografiia teksta i tekst khoreografii" ["Crime and Punishment: Choreography of Text and Text of Choreography"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (19), 2022, pp. 48–77. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-3-48-77>

15. Burnashev, V.P. *Vospominaniia peterburgskogo starozhila: v 2 tomakh* [Memories of an Old Resident of St. Petersburg: in 2 vols]. Comp., preface, comm. by A.I. Reytblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. (In Russ.)
16. Burianov, V. *Progulka s detmi po S. Peterburgu i ego okrestnostiam: v 3 chastiakh* [Walking in St. Petersburg and Suburbs with Children: in 3 parts]. St. Petersburg, Printing-House of the General Directorate of Railways and Public Buildings Publ., 1838. (In Russ.)
17. Butkov, Ia.P. *Peterburgskie vershiny: v 2 knigakh* [Peaks of St. Petersburg: in 2 books]. St. Petersburg, N. Grech Publ., 1845–1846. (In Russ.)
18. Butkov, Ia.P. “Novyi god. Vcherashniaia istoriia” [“New Year. Yesterday’s Story”]. *Otechestvennyie zapiski. Ucheno-literaturnyi zhurnal, izdavaemyi Andreem Kraevskim*, vol. LVI, otd. I: Slovesnost’ [Literacy], 1848, pp. 109–230. (In Russ.)
19. Butkov, Ia.P. *Povesti i rasskazy* [Short Stories and Tales]. Comp., introduction, and comm. by B.S. Meilakha. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1967. 400 p. (In Russ.)
20. *Ves Peterburg v karmane. Spravochnaia kniga dlia stolichnykh zhitelei i priezzhikh, s planami Sankt-Peterburga i chetyrekh teatrov, sostavlennaia Alekseem Grechem* [All St. Petersburg in the Pocket. A Reference Book for Residents of the Capital and Visitors, with Plans of St. Petersburg and Four Theatres, Compiled by Alexey Grech]. 2nd Edition revised and amended. St. Petersburg, N. Grech Publ., 1851. 630 p. (In Russ.)
21. Vilinbakhov, G.V. “Sankt-Peterburg – voennaia stolitsa” [“St. Petersburg: A Military Capital”]. *Parizh – Sankt-Peterburg. 1800–1830. Kogda Rossiia govorila po-frantsuzski... Katalog vystavki* [Paris–St. Petersburg. 1800–1830. When Russia spoke French... Catalogue of the Exhibition]. Moscow, Interros Publ., 2003, pp. 20–25. (In Russ.)
22. Vinogradov, V.N. “Lord Palmerston v evropeiskoi diplomatii” [“Lord Palmerston in European Diplomacy”]. *Novaia i noveishaia istoriia*, no. 5, 2006, pp. 182–209. (In Russ.)
23. Volpert, L.I. “Napoleonovskii ‘mif’ u Pushkina i Stendalia” [“The Myth of Napoleon in Pushkin and Stendhal”]. Isakov, S.G., editor. *Pushkinskii chteniia: Sbornik statei* [Pushkin Readings: Collected Articles]. Tallinn, 1990, pp. 88–107. (In Russ.)
24. Vrangeli, N.E. *Vospominaniia: Ot krepostnogo prava do bolshevikov* [Memories: From Serfdom to Bolsheviks]. Introduction, comm., and comp. by A. Zeide. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)
25. *Vremia. Zhurnal literaturnyi i politicheskii*. December 1861. 596 p. (In Russ.)
26. Gaidamak, A. *Russkii ampir* [Russian Empire Style]. Moscow, Trilistnik Publ., 2006. 168 p. (In Russ.)
27. Glinka, F.N. *Sochineniia* [Works]. Comp., afterword, comm. by V.I. Karpets. Moscow, Sov. Rossiia Publ., 1986. 352 p. (In Russ.)
28. Gogol, N.V. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 23 tomakh* [Complete Works and Letters: in 23 vols], vol. 7, book 1. Moscow, Nauka Publ., 2012. 806 p. (In Russ.)
29. Goncharov, I.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh* [Complete Works and Letters: in 20 vols], vol. 4: Oblomov: roman v chetyrekh chastiakh [Oblomov. A Novel in 4 parts]. Comp. by T.I. Ornatkaya, ed. by V.A. Tunimanov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 494 p. (In Russ.)
30. Grigorev, A.A. *Sochineniia: v 2 tomakh* [Works: in 2 vols]. Introduction by V. Egorov, comp. and comm. by V. Egorov and A. Ospovat. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. (In Russ.)

31. Gensler, I.S. *Gavanskie chinovniki v domashnem bytu, ili Galernaya gavan vo vsiakoe vremia dnia i goda. Peizazh i zhanr* [*Harbour Officials in Domestic Life, Or Galernaya Harbour at all Times of the Day and Year. Landscape and Genre*]. St. Petersburg, V.I. Gubinsky Publ., 1904. 249 p. (In Russ.)
32. Gyugo, V. *Sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [*Collected Works: in 14 vols*]. Moscow, Terra – Knizhnyi klub Publ., 2001–2003. (In Russ.)
33. Dlugolenskii, Ia.N. *Vek Dostoevskogo. Panorama stolichnoi zhizni* [*Dostoevsky's Century. A Panorama on Life in the Capital*], book 1. St. Petersburg, Pushkin Foundation Publ., 2005. 280 p. (In Russ.)
34. Dmitriev, M.A. *Glavy iz vospominanii moei zhizni* [*Chapters from the Memories of my Life*]. Comp., comm. by K.G. Bolenko, E.E. Liaminaia, and T.F. Neshumovaia. Introduction by K.G. Bolenko and E.E. Liaminaia. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 752 p. (In Russ.)
35. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
36. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013– (continuing publication). (In Russ.)
37. Eger, O. *Vsemirnaia istoriia: v 4 tomakh* [*World History: in 4 vols*]. St. Petersburg, Spetsialnaia Literatura; Poligon Publ., 1997–1999. (In Russ.)
38. Zherikhina, E.I. *Frantsuzskii mir Sankt-Peterburga* [*St. Petersburg's French World*]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
39. Zhiliakova, E.M. “F.M. Dostoevskii i Valter Skott (k voprosu o napoleonovskom mife)” [“Fyodor Dostoevsky and Walter Scott (about the Myth of Napoleon)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologii*, no. 2 (18), 2012, pp. 44–56. (In Russ.)
40. Zotov, R.M. *Tridtsatiletie Evropy v tsarstvovanie imperatora Nikolaia I: v 2 chastiakh* [*Thirty Years of Europe in the Reign of Tsar Nicholas I: in 2 parts*]. St. Petersburg, Yulius Shtauf Publ., 1857. (In Russ.)
41. Zotov, R.M. *Teatralnye vospominaniia. Avtobiograficheskie zapiski* [*Theatre Memories. Autobiographic Notes*]. St. Petersburg, Ya. Ionson Publ., 1859. 117 p. (In Russ.)
42. Zotov, V.R. “Peterburg v sorokovykh godakh. (Vyderzhki iz avtobiograficheskikh zametok)” [“Peterburg in the Forties. (Excerpts of Autobiographic Notes)”]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, January 1890, pp. 29–53. (In Russ.)
43. Ivanov, A.Iu. *Povsednevnaia zhizn' frantsuzov pri Napoleone* [*French Everyday Life under Napoleon*]. Introduction by A.P. Levandovsky. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2006. 351 p. (In Russ.)
44. Lavissa, E., and Rambo, A.N., eds. *Istoriia XIX veka: v 8 tomakh* [*History of the 19th Century: in 8 vols*]. 2nd Edition revised and amended. Trans. from French. Ed. by E.V. Tarle. Moscow, OGIZ Publ., 1938–1939. (In Russ.)
45. Kartashov, V.S. “Studencheskie gody M.A. Dostoevskogo” [“M.A. Dostoevsky University Years”]. *Trudy GIM* [*Works of the State Historical Museum*], issue 166: Epokha 1812 goda. Issledovaniia. Istochniki. Istoriofrafia. VI: Sbornik materialov. K 200-letiiu Otechestvennoi voiny 1812 goda [The Era of 1812. Research. Sources. Historiography. VI: Collected Materials for the 200th Anniversary of the Patriotic War of 1812]. Moscow, State Historical Museum Publ., 2007, pp. 200–203. (In Russ.)

46. Kasatkina, T.A. “Prestuplenie i nakazanie: kak sozdaetsia glubokii tekst” [“*Crime and Punishment: How to Create a Deep Text*”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 1 (17), pp. 52–62. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-1-52-62>
47. Koni, A.F. *Sobranie sochinenii: v 8 tomakh* [Collected Works: in 8 vols]. Moscow, Iuridicheskaiia literatura Publ., 1966–1969. (In Russ.)
48. Krestovskii, V.V. *Peterburgskie trushchoby. Kniga o sytykh i golodnykh. Roman v shesti chastiakh* [Petersburg's Slums. A Book on Sated and Hungries. Novel in 6 parts]. Ed. and introduction by I.V. Skachkova. Moscow, Pravda Publ., 1990. (In Russ.)
49. Kombo, I. *Istoriia Parizha* [The History of Paris]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002. 176 p. (In Russ.)
50. Kulakov, V.A. “Egipetskii stil” [“Egyptian Style”]. *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia: v 35 tomakh* [Great Russian Encyclopedia: in 35 vols], vol. 9. Moscow, Nauchnoe izdatelstvo Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia Publ., 2007, p. 610. (In Russ.)
51. Kuriev, M.M. *Eto N* [This is N]. Moscow, U Nikitskikh vorot Publ., 2020. 592 p. (In Russ.)
52. Las-Kaz, graf. *Memorial Sviatoi Eleny. ili Vospominaniia ob imperatore Napoleone: v 2 knigakh* [Memorial of St. Elena, or Memories on the Emperor Napoleon: in 2 books]. Trans. L.N. Zaytseva, ill. N. Charle, O. Verne, and others. Moscow, Zakharov Publ., 2010. (In Russ.)
53. Las-Kaz, E.O.D.M.Zh. graf de. *Maksimy i mysli uznika Sviatoi Eleny. Rukopisi, naidennaia v bumagakh Las-Kaza* [bilingva: frants.-russk.] [The Maxims and Thoughts of the Prisoner of St Helena. Manuscript Found in the Papers of Las Cases [bilingual: French-Russian]]. Ed. by S.N. Iskiul'. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
54. Levi, A. “Dushevnye kachestva Napoleona” [“Spiritual Characteristics of Napoleon”]. *Povsednevnaia zhizn' Napoleona Bonaparta: Levi A. Dushevnye kachestva Napoleona; Masson F. Napoleon I v pridvornoii i domashnei zhizni* [The Ordinary Life of Napoleon Bonaparte: Levi, A. “Spiritual Characteristics of Napoleon”; Masson, F. “Napoleon I in Court and Ordinary Life”]. Trans. and comm. by V.E. Klimanova. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2006, pp. 5–300. (In Russ.)
55. Lermontov, M.Iu. *Sobranie sochinenii: v 4 tomakh* [Collected Works: in 4 vols]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2014. (In Russ.)
56. Lotman, Iu.M. “Siuzhetnoe prostranstvo russkogo romana XIX stoletia” [“The Space of the Plot in Russian Novel of the 19th Century”]. Lotman, Iu.M. *O russkoi literature. Stati i issledovaniia (1958–1993)* [About Russian Literature. Articles and Research (1958–1993)]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPb Publ., 2005, pp. 712–729. (In Russ.)
57. Liudvig, E. *Napoleon* [Napoleon]. Trans. from German by E. Mikhelevich. Moscow, Zakharov; Vagrius Publ., 1998. 592 p. (In Russ.)
58. Melgunov, S.P. *Aleksandr I. Sfinks na trone* [Alexander I. A Sphinx on the Throne]. Moscow, Veche Publ., 2010. 368 p. (In Russ.)
59. Mikhailov, A.M. “Kak nasazhdalas frantsuzskaia kul'tura v Rossii” [“How French Culture Was Imposed in Russia”]. *Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*, 31, November 1910, pp. 614–635. (In Russ.)
60. Azbelev, S.N., editor. *Narodnaia proza* [Folk Prose]. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1992. 608 p. (In Russ.)
61. Nekrasov, N.A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 15 tomakh* [Complete Works and Letters: in 15 vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)

62. Norvich, Dzh. *Kratkaia istoriia Frantsii [Short History of France]*. Trans. from English by O.V. Stroganova. Moscow, KoLibri; Azbuka-Attikus Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)
63. Panaev, I.I. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh [Collected Works: in 6 vols]*. Moscow, V.M. Sablin Publ., 1912. (In Russ.)
64. Panaev, V.A. "Iz 'Vospominaniy'" ["From *Memoirs*"]. Grigorovich, D.V. *Literaturnye vospominaniia [Literary Memoirs]*. Introduction by G. Elizavetina, comp. and comm. by G. Elizavetina and I. Pavlova. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 147–272. (In Russ.)
65. Penskaia, E.N. "Russkii istoricheskii roman XIX veka" ["Russian Historical Novel of the 19th Century"]. Dmitriev, A.N., editor. *Istoricheskaia kul'tura imperatorskoi Rossii: formirovanie predstavlenii o proshlom: kollektivnaia monografiia v chest prof. I.M. Savelyeva [Historical Culture of Imperial Russia: Shaping Perceptions of the Past: A Collective Monograph in Honour of Prof. I.M. Saveliev]*. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2012, pp. 418–474. (In Russ.)
66. *Peterburgskii sbornik, izdannyi N. Nekrasovym [Petersburg Anthology, Published by N. Nekrasov]*. St. Petersburg, Eduard Prats Publ., 1846. 560 p. (In Russ.)
67. Platov, A. *Tak govoril Napoleon [That's What Napoleon Said]*. Moscow, Mir Publ., 2003. 736 p. (In Russ.)
68. Pleshcheev, A.N. *Povesti i rasskazy: v 2 tomakh [Short Stories and Tales: in 2 vols]*. Ed. by R.V. Bykov. St. Petersburg, M.M. Stasiulevich Publ., 1896. (In Russ.)
69. Podosokorskii, N.N. "Kartina napoleonovskogo mifa v romane 'Brat'ia Karamazovy'" ["A Picture of the Myth of Napoleon in the Novel *The Brothers Karamazov*"]. Kasatkina, T.A., editor. *Roman F.M. Dostoevskogo "Brat'ia Karamazovy": sovremennoe sostoianie izucheniiia [Dostoevsky's Novel The Brothers Karamazov: Current State of Research]*. Moscow, IWL RAS, 2007, pp. 98–114. (In Russ.)
70. Podosokorskii, N.N. "Napoleonizm kniazia Myshkina" ["Prince Myshkin's Napoleoni-sm"]. *Literaturovedcheskii zhurnal. Sektsiia iazyka i literatury RAN*, no. 21, 2007, pp. 113–125. (In Russ.)
71. Podosokorskii, N.N. "Religiozni aspekt napoleonovskogo mifa v romane 'Prestuplenie i nakazanie': obraz 'Napoleona-proroka' i misticheskie sekty russkikh raskolnikov-pochitatelei Napoleona" ["The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of 'Napoleon-Prophet' and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshipers of Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143>
72. Podosokorskii, N.N. "'Napoleon vy, chto li, kakoi?': 'Napoleonova pamiat' v rasskaze F.M. Dostoevskogo 'Gospodin Prokharchin'" ["'Are You Some Napoleon, or what?': 'The Memory of Napoleon' in Dostoevsky's Story 'Mr. Prokharchin'"]. Komutstsi, L.V., and Glushakov, P.S., eds. *"Mery ne znal ia, smertnykh liubia": k 90-letiiu rossiiskogo filologa Vladimira Serafimovicha Vakhru-sheva (1932–2011) [I Did Not Know Measure in Love for the Mortals]: in occasion of the 90th Anniversary of the Russian Philologist Vladimir Serafimovich Vakhrushev (1932–2011)]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022, pp. 329–341. (In Russ.)
73. Rovinskii, D.A., editor (posthumous edition). *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI-XIX vekov [Detailed Dictionary of Russian Chasers of 16th–19th Centuries]*. St. Petersburg, Imperial Academy of sciences, 1895. 806 columns. (In Russ.)

74. Polevoi, N.A. *Istoriia Napoleona: v 5 tomakh* [History of Napoleon: in 5 vols]. St. Petersburg, Imperial Academy of sciences Publ., 1844–1848. (In Russ.)
75. *Putevoditel'. 60 000 adresov iz Sankt-Peterburga. Tsarskogo Sela. Petergofa. Gatchiny i prochiia.* 1854. V 2 chastiakh [Guide. 60,000 Addresses from St. Petersburg, Tsarskoye Selo, Peterhof, Gatchina and Beyond. In 2 parts]. St. Petersburg, Karl Vingeber Publ., 1853. 238 + 71 p. (In Russ.)
76. Pushkarev, I. *Opisanie Sankt-Peterburga i uездnykh gorodov S.-Peterburgskoi gubernii: v 4 chastiakh* [A Description of Petersburg and County Towns of the Province of St. Petersburg: in 4 parts]. St. Petersburg, St. Petersburg Province Government Publ., 1839–1841. (In Russ.)
77. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [Complete Works: in 10 vols]. Moscow; Leningrad, USSR Academy of sciences Publ., 1950–1951. (In Russ.)
78. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [Complete Works: in 20 vols]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999–(continuing publication). (In Russ.)
79. Robike, Zh. *Povsednevaia zhizn' v epokhu Napoleona* [Ordinary Life in the Napoleonic Era]. Trans. from French by E.A. Koshelevaia, ed. by M.Iu. Nekrasov. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2012. 320 p. (In Russ.)
80. Rotach, A.L., and Chekanova, O.A. *Ogiust Monferran* [Auguste de Montferrand]. Leningrad, Stroiiizdat. Leningradskoe otdelenie Publ., 1990. 224 p. (In Russ.)
81. *Russkoe slovo.* September 1863. 486 p. (In Russ.)
82. Riazantsev, I.V. “Skulptura” [“Sculpture”]. *Istoriia russkogo iskusstva v 22 tomakh* [History of Russian Art in 22 vols], vol. 14: Iskusstvo pervoi treti XIX veka [Art of the First Third of the 19th Century]. Ed. by G.Iu. Sternin. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2011, pp. 260–307. (In Russ.)
83. Senkovskii, O.I. *Sobranie sochinenii barona Brambeusa: v 9 tomakh* [Collected Works by Baron Brambeus: in 9 vols], vol. 2. St. Petersburg, Imperial Academy of sciences Publ., 1858. 506 p. (In Russ.)
84. Sindalovskii, N.A. *Istoriia Sankt-Peterburga v predaniakh i legendakh* [History of St. Petersburg in Traditions and Legends]. St. Petersburg, Norint Publ., 1997. 360 p. (In Russ.)
85. Sinelnikov, F.M. *Zhizn' fel'dmarshala Mikhaïla Il'iarionovicha Kutuzova* [The Life of Feldmarschall Mikhail Ilarionovich Kutuzov]. Introduction by E.P. Abramov. Reprint from the edition of 1813–1814, revised. St. Petersburg, Russkaia simfoniia Publ., 2007. 480 p. (In Russ.)
86. Skott, V. *Zhizn Napoleona Bonaparte, imperatora frantsuzov* [The Life of Napoleon Bonaparte, Emperor of the French], part 1. Trans. from the English S. de Chaplet. St. Petersburg, Aleksandr Smirdin Publ., 1831. 282 p. (In Russ.)
87. Smirnov, A.Iu. *Imperiia Napoleona III* [The Empire of Napoleon III]. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 288 p. (In Russ.)
88. Tan'shina, N.P. “Napoleon Bonapart kak khudozhestvennyi obraz: formirovanie ‘napoleonovskoi legendy’ vo frantsuzskoi literature epokhi romantizma” [“Napoleon Bonaparte as an Artistic Image: The Forming of the ‘Napoleonic Legend’ in French Literature of the Romantic Era”]. *Istoricheskaia ekspertiza*, no. 3 (20), 2019, pp. 166–187. (In Russ.)
89. Tan'shina, N.P. *Napoleon Bonapart: mezhdu istoriei i legendoi* [Napoleon Bonaparte: Between History and Legend]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2020. 224 p. (In Russ.)

90. Tarle, E.V. *Sochineniia: v 12 tomakh* [Works: in 12 vols]. Ed. by A.S. Erusalimskii. Moscow, USSR Academy of sciences Publ., 1957–1961. (In Russ.)
91. Tikhomirov, B.N. “Lazar’! griadi von”. *Roman F.M. Dostoevskogo “Prestuplenie i nakazanie” v sovremennom prochtenii: Kniga-kommentarii* [“Lazarus, Come Out.” A Modern Reading of Dostoevsky’s Novel Crime and Punishment. Commentary Book]. 2nd Edition revised and amended. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
92. Tikhomirov, B.N. *Dostoevskii. Literaturnye progulki po Nevskomu prospektu. Ot Zimnego dvortsa do Znamenskoï ploshchadi* [Dostoevsky. Literary Walks Down Nevsky Prospect. From the Winter Palace to Znamenskaya Square]. Moscow, Lingvistika: Boslen Publ., 2022. 480 p. (In Russ.)
93. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works: in 90 vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoï literatury Publ., 1935–1958. (In Russ.)
94. Toporov, V.N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye Trudy* [Petersburg Text in Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)
95. Troitskii, N.A. *Fel’dmarshal Kutuzov: mify i fakty* [Feldmarschall Kutuzov: Myths and Facts]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2003. 367 p. (In Russ.)
96. Turchin, V.S. *Frantsuzskoe iskusstvo ot Liudovika XVI do Napoleona* [French Art from Louis XVI to Napoleon]. Moscow, Zhiraf Publ., 2007. 480 p. (In Russ.)
97. T’er, A. *Istoriia Konsul’stva i Imperii: v 4 tomakh* [History of the Consulate and Empire: in 4 vols]. Trans. from French by O. Vayner. Moscow, Zakharov Publ., 2013–2014. (In Russ.)
98. Fedotova, E.D. *Napoleonovskiy ampir* [Napoleon Empire Style]. Moscow, Belyi gorod Publ., 2008. 48 p. (In Russ.)
99. Kuleshov, V.I., editor. *Fiziologiia Peterburga* [The Physiology of Petersburg]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 284 p. (In Russ.)
100. Fiureks, E. *Oskorblyennyi vzor. Politicheskoe ikonoborchestvo posle Frantsuzskoi revoliutsii* [An Offended Gaze. Political Iconoclasm after the French Revolution]. Trans. from French by V. Milchina. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 624 p. (In Russ.)
101. Khintse, O. *Gogentsollerny. Put’ k germanskomu edinstvu 1786–1861* [The Hohenzollerns. The Road to German Unity 1786–1861]. St. Petersburg, Evraziia Publ., 2020. 160 p. (In Russ.)
102. Khomiakov, A.S. *Stikhotvoreniia i dramy* [Poetry and Drama]. Introduction, comp., and comm. by B.F. Egorov. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1969. 594 p. (In Russ.)
103. [Tsylov]. *Gorodskoi ukazatel’ ili adresnaia kniga vrachei, khudozhnikov, remeslennikov, torgovykh mest, remeslennykh zavedeniia i t. p. na 1849 god. Sostavil Liteinoi chasti pristav Iсполнителnykh del Tsylov* [City Directory or Address Book of Doctors, Artists, Craftsmen, Trading Places, Craftsmen’s Establishments, etc. for 1849. Comp. Casting department bailiff of the Executive Affairs Tsylov]. St. Petersburg, Headquarters of the Home Guard Detachment Publ., 1849. 531 p. (In Russ.)
104. Cherviakov, A.P., editor. *Putevoditel’ po S.-Peterburgu: s pril. progr. vsekh ucheb. zavedenii i 6 pl. Peterburga* [Guide to St. Petersburg: With Appendix of the Program of all Educational Institutions and 6 Places of St. Petersburg]. St. Petersburg, A.P. Cherviakov Publ., 1865. 466 p. (In Russ.)
105. Chernyshevskii, N.G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 16 tomakh* [Collected Works: in 16 vols]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1939–1953. (In Russ.)

106. Shevyrev, S.P. *Polnoe sobranie literaturno-kriticheskikh trudov: v 7 tomakh* [Complete Works on Literary Criticism: in 7 vols], vol. 3, book 1: 1841–1842. Ed. by A.N. Nikoliukin, INION RAN. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022. 740 p. (In Russ.)

107. Shlosser, F.K. *Istoriia vosemnadsatogo stoletii i deviatnadsatogo do padeniia Frantsuzskoi imperii s osobenno podrobnym izlozheniem khoda literatury F.K. Shlossera. profesora istorii pri Geidel'bergskom universitete. V 8 tomakh* [History of the Eighteenth Century and of the Nineteenth till the Overthrow of the French Empire: With Particular Reference to Mental Cultivation and Progress by F.K. Schlosser]. Trans. from the 4th Edition, revised. 2nd Edition. St. Petersburg, Izdanie knizhnogo magazina Cherkesova Publ., 1868–1871. (In Russ.)

108. Iurkova, Z. *Arkhitektor Modiui: ideal'naia stolitsa v proektakh. Peterburg imperatora Aleksandra I* [Architect Modui: Plans for the Ideal Capital. Emperor Alexander I's Petersburg]. St. Petersburg, Kriga Publ., 2019. 448 p. (In Russ.)

109. *Légende Céleste. Nouvelle histoire de la Vie des Saints. Avec la vie de Notre-seigneur Jésus-Christ, celle de la Vierge et le Précis historique des Fêtes de l'année*, vol. 3. Paris, J.B. Herman et Cie – Paul Mellier, 1846. 382 p. (In French)

Статья поступила в редакцию: 10.10.2022

Одобрена после рецензирования: 12.10.2022

Принята к публикации: 01.11.2022

Дата публикации: 25.12.2022

The article was submitted: 10 Oct. 2022

Approved after reviewing: 12 Oct. 2022

Accepted for publication: 01 Nov. 2022

Date of publication: 25 Dec. 2022